

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА

Обсуждалось влияние Первой мировой войны на вектор европейского и мирового развития в XX веке, на культуру и цивилизацию. По мнению участников, определяющие тенденции и события: Вторая мировая война, ускоренная милитаризация, крушение европейских империй, массовая культура, многое другое – обусловлены Первой мировой. В обсуждении были представлены идеи будущей книги А.А. Гнеся «До и после Сараево: право на сослагательное наклонение» и книги Д. Гоффмана «Прыжок во тьму или как была развязана Первая мировая война».

В обсуждении участвовали: Г.А. Антипов, А.А. Гнесь, О.А. Донских, С.А. Красильников, В.В. Крюков, Н.И. Макарова, П.Д. Муратов, Н.Л. Чубыкина. М.В. Шиловский, С. Шнайдер.

А также Ю.П. Ивонин, С.П. Исаков, И.С. Кузнецов, Л.Л. Штуден (Новосибирск); Г.Н. Миненко (Кемерово); В.Я. Плоткин, (Бир-Шева, Израиль).

Ключевые слова: Первая мировая война, культурная и гуманитарная катастрофа, точка невозврата, «превентивная» война, категории «вины» и «ответственности», бюргерская континентальная Европа, массовая культура.

23 сентября 2010 г. в Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол на тему «Первая мировая война как культурная катастрофа».

В обсуждении участвовали члены редакционной коллегии и редакционного совета: Георгий Александрович Антипов, д-р философских наук, профессор; Олег Альбертович Донских, д-р философских наук, профессор, главный редактор журнала; Сергей Александрович Красильников, д-р исторических наук, профессор; Виктор Васильевич Крюков, д-р философских наук, профессор; Нина Ильнична Макарова, кандидат искусствоведения, доцент; Павел Дмитриевич Муратов, кандидат искусствоведения, доцент; Наталья Леонидовна Чубыкина.

Приглашенные гости: **Александр Аркадьевич Гнесь**, магистр лингвистики, ведущий переводчик Института археологии и этнографии СО РАН; **Михаил Викторович Шиловский**, д-р исторических наук, профессор кафедры истории Новосибирского государственного университета; **Стефан Шнайдер** д-р философии, научный сотрудник Гейдельбергского Университета (Германия).

По традиции заочного обсуждения были разосланы вопросы, на этот раз сформулированные по итогам дискуссии:

1. Связан ли ускоренный переход к массовой культуре с Первой мировой войной?

2. Можно ли считать, что одним из результатов этой войны стало доминирование англо-американской культуры? Или это произошло бы в любом случае?
3. Шире – какие цивилизационные процессы, определившие развитие культуры в XX веке, спровоцировала Первая мировая война?
4. Оказалась ли Первая мировая катастрофой для российской культуры или, напротив, она определила ускоренное ее развитие?
5. Явилась ли эта война «первой ласточкой» глобальной информационной войны?
6. Стала ли она вызовом, определившим ускоренную индустриализацию и, соответственно, ускоренное разрушение патриархальной культуры?
7. Повлияла ли Первая мировая на демографию настолько отрицательно, что мы имеем дело с иными этносами?
8. Можно ли считать, что Вторая мировая война оказалась лишь продолжением Первой и, соответственно, завершила названные выше процессы?

На них ответили: **Юрий Перфильевич Ивонин**, д-р философских наук, профессор (Новосибирск); **Сергей Петрович Исаков**, (Новосибирск); **Иван Семенович Кузнецов**, д-р исторических наук, профессор (Новосибирск); **Геннадий Николаевич Миненко**, д-р философских наук, профессор (Кемерово); **Вульф Яковлевич Плоткин**, д-р филологических наук, профессор (Израиль); **Лев Леонидович Штуден**, д-р культурологи (Новосибирск),

Олег Альбертович Донских. Добрый день! Мне очень приятно приветствовать вас на очередном круглом столе. К сожалению, наш круглый стол совпал с Интеррой – многотрудным фестивалем, в котором задействованы некоторые члены нашей редакционной коллегии. Я рад отметить, что у нас сегодня присутствует участник из Германии, из Гейдельберга, Стефан Шнайдер, статья которого была разослана в качестве ознакомительного материала, за что большое спасибо автору. Дело в том, что круглый стол, который мы проводим сегодня, по формату несколько отличается от тех, которые мы проводили раньше, поскольку там обсуждались более общие темы. Тема сегодняшнего обсуждения – Первая мировая война как культурная катастрофа. Она была задана статьей Александра Гнеся. Статья вышла в третьем номере нашего журнала с тремя комментариями, в четвертом но-

мере продолжена лингвистом и геополитиком Вульфом Яковлевичем Плоткиным, статьей с размышлениями о мировых войнах двадцатого столетия. Материалы сегодняшней нашей дискуссии будут опубликованы в следующем, декабрьском, номере.

Я очень благодарен нашим ведущим специалистам – историкам, которые сегодня присутствуют: Михаилу Викторовичу Шиловскому и Сергею Александровичу Красильникову, считаю, что состав у нас вполне представительный. И потом мы разошлем вопросы людям, которые могут по этому поводу что-то интересное сказать, и опубликуем их ответы. У нас уже сложилась такая традиция, подобные материалы были и по педагогике, и по экономике.

Сегодня мы работаем таким образом. У нас два выступающих. Первый, Александр Аркадьевич Гнесь, выступит с небольшим докладом в пределах 15 минут,

затем будут вопросы на уточнение того, что он расскажет. Второй доклад сделает Степан (Стефан) Шнайдер, далее тоже вопросы на уточнение, и наконец, дискуссия, в которой сможет участвовать каждый из присутствующих. Мы начинаем, и я с удовольствием передаю слово первому докладчику.

Александр Аркадьевич Гнесь. Идея написать книгу о Первой мировой войне как о «точке невозврата» на пути развития западной цивилизации появилась сравнительно давно. Приступал к работе дважды, при этом каждый раз останавливала господствующая в современной отечественной и зарубежной историографии трактовка событий 1914–1918 годов, согласно которой главными и единственными виновниками «империалистической» явились Германия и Австро-Венгрия. А ведь почти во всех войнах, как и в семейных конфликтах, нет однозначно правых и виноватых. Тема виновности сторон очень важна в контексте обсуждения Первой мировой войны. К началу XX века европейские страны существовали в пределах или на стыке пяти основных для старого света культурных ареалов – германо-протестантский, германо-католический, латинско-католический, славяно-католический, славяно-православный развивались в гармоничных, а порой и уникальных сочетаниях под патронажем монархий и консервативных демократий. Вступление в войну держав, их народных масс неизбежно привело к противостоянию культур, при этом образовывались некоторые неожиданные альянсы: англо-саксонская, германо-кельтская, протестантская Англия, галльская латинская Франция и славяно-православная Россия и позднее латинско-католическая Италия воевали против конгломерата германо-протестантских, германо-католических и славяно-католических наций. Позднее к коа-

лиции центральных держав присоединилась славяно-православная Болгария и османская Турция. Возникает вопрос, случайно ли участие в альянсе на первый взгляд таких противоположностей, как, к примеру, протестантская Германия и мусульманская Турция? Каким образом православные болгары оказались противниками южных таких же православных сербов?

В книгу «До и после Сараево: право на сослагательное наклонение» вошла статья под одноименным названием и четыре публицистических очерка. Все четыре очерка опубликованы в журнале «Новосибирск», а работа об Австрии под названием «Страна, где все работает» была опубликована в 2009 году в журнале «Наш современник». В данном докладе я в основном привожу тезисы основной статьи книги. Первая глава под названием «Прелюдия», в которой дается обзор основных событий, способствовавших нарастанию политической напряженности в Европе, начиная с австро-прусской войны и заканчивая августом 1914 года. 19 января 1871, как мы знаем, произошло судьбоносное для Европы событие – образовалась Германская империя. Германию Отто фон Бисмарка следует рассматривать исключительно как северогерманский протестантский проект. И молодой динамичной Германской Империи в силу ее географического положения, особенностей государственного устройства, идеологии, не суждено было стать колониальной державой в том смысле, в котором ими стали Великобритания и Франция. Во франко-прусской войне 1871 года Россия оказала Франции официальную поддержку, что, безусловно, повлияло на позицию Германии во время Берлинского конгресса в 1878 года, и, по мнению автора, это была большая ошибка российской политики.

В конце IX века началось постепенное оформление блока стран-участниц Первой мировой войны. Германия, Австро-Венгрия, Италия образовали, как известно, в 1878 году Тройственный союз. Великобритания, Франция и Россия образовали Антанту в период с 1904 по 1907 годы. Но ведущие роли в этих геополитических блоках принадлежали Великобритании и Германии, то есть двум ведущим северо-европейским странам. Первая, Великобритания, боролась за сохранение миропорядка, в котором она являлась на тот момент несомненным лидером, и она никак не хотела сдавать свое лидерство. Вторая вполне справедливо начинала оспаривать это лидерство. 24 июля 1905 года Вильгельмом II и Николаем II в Бьерке, под Выборгом, был подписан потенциально выгодный для обеих держав договор. В силу бьеркский договор не вступил. Целью договора было нейтрализовать русско-французский союз и предотвратить сближение Великобритании и России. В 1949 году вышла монография Б.А. Романова, посвященная истории русско-японской войны. В этой книге на основе документальных свидетельств в деталях представлены события, непосредственно предшествовавшие и сопутствовавшие подписанию Бьеркского договора. Следует отметить, что летом 1914 года отношения к угрозе войны и ее последствиям у представителей элиты стран центрального блока были очень разные. Вот примеры некоторых заявлений и высказываний. 28 июля 1914 года начальник генерального штаба Мольтке (младший) написал рейхсканцлеру Теобальду фон Бетманн-Хольвегу: «Грядущая война на десятилетия уничтожит европейскую культуру». 4 августа 1914 года военный министр Германии Эрих фон Фалькенхайн заявил рейхсканцлеру Теобальду

фон Бетманн-Хольвегу: «Даже если Германия погибнет из-за войны, все равно нужна война». Один австрийский дипломат заметил, что в жаркие июльские и августовские дни судьбоносного 1914 года Австро-Венгрия из страха перед смертью совершила самоубийство.

Первая глава заканчивается описанием и рассмотрением теории о Срединной Европе. Пастор Ф. Науманн первым в 1915 г. обосновал целесообразность объединения стран Центральной и Северной Европы под лидерством Германии в политико-экономическое образование под названием *Срединная Европа (Mitteleuropa)*.

Вторая глава под названием «Мечты об «освобождениях»» посвящена идеологическому противостоянию между странами Антанты и центральными державами накануне и во время войны. Тот факт, что Николай II предложил Вильгельму II за сутки до начала войны обратиться в Гаагский суд с целью разрешения конфликта, показывает, до какой степени российский монарх не представлял всю серьезность ситуации. Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда произошло 28 июля, и именно в этот день в 1386 году на Косовом поле сербы проиграли сражение туркам, что привело к многовековому османскому владычеству в Сербии. И основным тезисом начала второй главы является то, что лето 1914 явилось кульминацией нескольких столетий геополитического и культурного противоборства не только между германцами и славянами, но и между османами и славянским миром. Далее обсуждаются в первую очередь культурно-идеологические причины присоединения Турции к блоку центральных держав.

Основными официальными «освободительными» целями России во время Первой

мировой войны являлись защита братьев-сербов, освобождение Константинополя, освобождение русинов – другое название для части западных украинцев. Британцы, а затем вступившие в войну американцы обещали спасти западный мир от «гуннов». Страны же центрального мира не декларировали по существу никаких целей по освобождению какого-либо этноса или территории. В период империалистической войны резко возросла роль пропаганды. В условиях тотальной войны востребованными стали приемы дегуманизации врага.

Третья глава названа «Бюргерский центр против небюргерских окраин» – в ней рассматривается Империалистическая война, как активная фаза противостояния между двумя ключевыми для христианской цивилизации мировоззрениями. То есть бюргерская континентальная Европа столкнулась с небюргерскими окраинами – Великобританией и Россией. Конфликт Германии и Франции, несмотря на множество противоречий – Эльзас, Лотарингия, борьба за колонии в Африке, – все равно носил локальный характер. Не случайно ослабленная Франция по замыслу архитекторов срединной Европы должна была стать частью единого германокентристского пространства. Основной чертой бюргерства, по мнению автора, как обобщающего определения для отдельно взятого общества, является высокая степень оседлости, проявляющаяся в особенностях инфраструктуры, политического и экономического устройства, быта и культуры. Вдохновители Версальского договора явились сторонниками теории Хэлфорда Джона Маккиндера. Талантливый британский географ вводит в научный оборот термин «Хартленд» для политического обозначения Евразии. Маккиндер был убежден, что тот, кто господству-

ет в Евразии, будет определять мировую политику. Он считал, что экономический контроль над Хартлендом невозможен без влияния на культуру и духовное состояние в первую очередь германского и русского обществ. Немецкий исследователь в области геополитики Карл Хаусхофер, который ошибочно называется в отечественной историографии одним из теоретиков нацизма, разработал теорию европейского освобождения. Она фактически явилась противовесом теории о Хартленде и полностью отрицала положения Версаля.

В четвертой главе «Первая мировая война: импульс к социальным переменам» рассматриваются кардинальные социальные изменения, вызванные событиями 1914 – 1918 годов. Эффективное функционирование военной машины в условиях тотальной войны предполагало вовлечение всех слоев общества. Женщины впервые были массово задействованы на заводах, даже принимали участие в боевых действиях. Первая мировая война внесла существенные коррективы в принцип семейного уклада, выраженного лозунгом «киндер, кирхе, кюхе». Уровень социальной мобильности в европейских странах во время и после войны резко повысился. Представители потерянному поколению в европейских странах, которых так четко описал Эрих Мария Ремарк, готовы были поступиться личной свободой во имя любых новых идей. Именно этим в первую очередь объясняется подъем фашистских режимов в Европе, развитие большевизма в России.

Наконец, в пятой главе «Конец викторианской культуры» рассматривается переворот в культуре, вызванный империалистическим конфликтом. По мнению автора, именно в 1914 году завершилась викторианская эпоха. На смену классической му-

зыка в Европе пришли *мюзик-холлы* и кабаре. Военный и послевоенный период явился началом стремительной эволюции в музыкальной культуре в XX веке. Правящим кругам для войны потребовались *массы*, а для поддержания духа масс потребовалась *массовая культура*. Начало войны совпало с бурным развитием изобразительного искусства. Немецкий *экспрессионизм*, французский *фовизм*, итальянский *футуризм* и новые явления в русском изобразительном искусстве начала XX века следует рассматривать как события общеевропейской революции в искусстве. У представителей новых *неклассических* направлений не было брони от армии, и многие из них погибли, как например Франц Марк (немецкий экспрессионист). А ведь погибшие художники являлись представителями *альтернативной истории* развития искусства. Анализ таких разных по своему настроению произведений, как «Корабль мертвых» Б. Травена, «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека и «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя показывает, насколько обычный человек оказался не готовым к жестоким необратимым переменам вызванным войной.

Основная статья книги завершается солагательным эпилогом. Главный тезис эпилога следующий: если бы удалось избежать глобального мирового конфликта и произошло бы дальнейшее сближение Германии и России на политическом, экономическом и культурном уровнях, экономическая система в Европе стала бы неизбежно развиваться в направлении повышения социальной ответственности. Монархии тройственного союза уже не боялись бы марксизма, а использовали бы его как экономическую теорию при сохранении общеевропейских христианских ценностей.

В настоящий момент книга близка к завершению, проводится сбор дополнительного иллюстративного материала. В следующем году книга должна увидеть свет.

Спасибо за внимание.

О.А. Донских. Пожалуйста, сейчас вопросы на уточнение понимания основных тезисов.

Нина Ильинична Макарова. Мне показалось, что вначале говорилось о нескольких противостояниях – территориальном, культурном, религиозном – в блоках, а потом Вы перешли к противостоянию: бюргерская – небюргерская культура. Это наиболее важное?

А.А. Гнесь. Ввиду дефицита времени я не могу дать развернутое объяснение этим разным типам и уровням противостояния, но я хочу дать пояснения. В первой, вводной по своей сути, главе представлены культурные матрицы Европы, то есть те ареалы, из которых к моменту начала Первой мировой войны состоял Старый Свет. Если абстрагироваться от экономики и политики и посмотреть, как люди жили на тот момент в Европе и какие были внутренние культурные противоречия, то для этого стоит вспомнить, какие этносы, какие религии составляли европейское поле. Далее речь идет о столкновении образов жизни. Бюргерский образ жизни предполагает оседлость. Высокую степень оседлости, которой отличается центральная Европа, континентальная Европа. Тут масса составляющих, но существует кардинальное различие в менталитете – континентальной Европы от островной Великобритании и евразийской России. В книге делается робкая попытка объяснить то, каким образом образовался заведомо губительный для России союз с Великобританией. В моей работе речь идет о разных уровнях противо-

стояния в первую очередь с точки зрения культуры.

Георгий Александрович Антипов. Как переводится надпись на обложке? «Ра-дуйся и верь, храбрые юноши, пока все вра-ги не будут побеждены»?

И второй вопрос. У Вас тут идет рас-шифровка названия: право на сослагатель-ное наклонение. Каким-то образом это в общем контексте книги присутствует?

А.А. Гнесь. Правильный перевод: стой-те ребята непоколебимо и преданно, пока все враги не повержены.

Во-вторых, в том то и дело, что исто-рия не имеет права на сослагательное на-клонение, так, по крайней мере, считается. Но я прошу у читателя этого права, чтобы показать, обосновав представленные тезисы различными свидетельствами, что могло быть, если бы этой трагедии не случи-лось. Если бы Россия не вступила в эту вой-ну, формально ради трех «освобождений».

О.А. Донских. У меня есть вопрос вот какого рода. В лингвистике есть один всегда меня смущавший термин, который исполь-зуется, когда говорят о гипотезе Сепира-Уорфа, о теории лингвистической относительности. Когда Уорф говорит о европей-ских языках, то несмотря на то, что они все разные, – там и индоевропейские языки и финно-угорские, и даже один семитский – он использует термин «среднеевропейский стандарт». Можно ли сказать, что «бюргер-ское» – это некое проявление среднеевро-пейского стандарта? Можно так о нем гово-рить, или это слишком большая натяжка? Какова Ваша оценка?

А.А. Гнесь. Дело в том, что определе-ние бюргерского-небюргерского общества я сформулировал сам, и я пока работаю над этой формулировкой. Спасибо, Олег Аль-бертович, за этот вопрос, потому что это

самая сложная задача – объяснить средне-европейскую бюргерскую сущность. Мен-тальность и сущность. Я помню: на одной из лекций Владимир Иванович Супрун ска-зал, что фраза «Мой дом – моя крепость» вовсе не подчеркивает стремление англи-чан защитить свою собственность, она ука-зывает на их склонность к чудачеству, а кон-тинентальной Европе свойственен бюргер-ский стиль жизни. Я стал дальше изучать этот вопрос. Действительно, существуют кардинальные различия между конти-нентальной Европой с одной стороны и Рос-сией и Великобританией с другой. И рос-сийский и англосаксонский миры отлича-ются меньшей степенью оседлости, мень-шим стремлением к предсказуемости, чем мир континентальной Европы. Понятия о предсказуемости и о степени комфорта у англосаксов и у центральных европейцев существенно отличаются. И цели в войне, цели государств были во многом обуслов-лены этой кардинальной разницей в мен-тальности.

Сергей Александрович Красильни-ков. Я услышал следующее: война являет-ся катализатором, ускорителем социальных процессов; социальная мобильность резко усиливается; эмансипация, которая уже су-ществовала, ускоряется. Прямым следстви-ем войны является появление того, что мы называем массовой культурой. Не обяза-тельно эти процессы и качества позитив-ные, но они именно новые. Я хочу, чтобы Вы ответили, в каких категориях изучать эти процессы, эти новые качества: социаль-ную мобильность, массовую культуру, мо-дифицированное общественное сознание и т. д.? И как к этому относиться?

А.А. Гнесь. Для начала скажу, что мас-совую культуру я никоим образом не считаю явлением положительным. Считаю,

что массовая культура является прямым следствием культурной катастрофы, вызванной первой мировой войной. Появление массовых форм культуры способствовало существованию двух жутких режимов — большевизма и национал-социализма. После империалистической войны стало проще манипулировать сознанием человека. Да, после войны повысилась степень социальной мобильности, эмансипация «вошла в свои права». Да простят мне женщины, но я не считаю и эмансипацию явлением положительным. Да, женщины стали больше участвовать в общественной жизни, но структура европейской и российской семьи подверглась кардинальным негативным изменениям. Уютные старинные немецкие городки, остатки которых мы сейчас видим, это памятники европейской истории до 1914 года, когда действительно не было места для эмансипации и социальной мобильности. Это была эпоха со своими проблемами, но основанная на стабильности и непоколебимости устоев. Первая мировая война как раз сломала эти многовековые устои.

Первая мировая война радикально меняла курс развития европейской цивилизации, сделав ее более агрессивной, более безжалостной, более энергичной, динамичной. И эта «динамика» привела к тому, что в 1920-е и 1930-е годы в Германии и России укрепились режимы, которые привели к еще более разрушительной, чем первая мировая, войне. В стране, веками известной своей терпимостью, Германии, официальной идеологией стал дремучий расизм. В России, которая всегда была известна, как милосердная и святая, разрушались церкви и уничтожались миллионы неповинных людей. Да и англо-саксонский мир стал другим после событий 1914–1918 годов...

Я благодарю за вопрос и обращу внимание на более детальное рассмотрение этой темы в своей книге, но повторюсь, сказав, что не рассматриваю это *ускорение* как благо.

Мария Васильевна Удальцова. По поводу «точки невозврата». Это здорово, если честно. Но не слишком ли категорично?

А.А. Гнесь. Я согласен, элемент категоричности есть. Но дело в том, что я долго об этом думал, я советовался с физиками, с математиками, которые используют этот термин в технических науках, и все-таки пришел к выводу, что он имеет право на существование. И в статье, тезисы которой я представил, я тоже пытаюсь тщательно обосновать этот тезис.

М.В. Удальцова. А вот в процессе глобализации, о которой сейчас все говорят, может быть, что-то выправится?

А.А. Гнесь. Я считаю, что импульс процессу глобализации в его современном виде с выхолащиванием классической культуры и классического образования был задан как раз в 1914 году. А ведь были и альтернативные варианты интеграционных процессов. В стабильной, веротерпимой и многонациональной Австро-Венгерской монархии просвещение было поставлено во главу угла, причем на разных языках. В Дунайской монархии даже воинская присяга была написана на более чем десяти языках. Современный украинский язык развивался именно в австрийской Галиции и венгерском Закарпатье. Следует отметить, что убитый сербскими террористами Франц Фердинанд был большим другом славян. Погибший эрцгерцог выступал за создание в центре Европы целостного сообщества народов, которые бы только дополняли друг друга. Это малоизвестный факт, но сербы, подданные Австро-Венгрии, не хо-

тели становиться подданными Королевства Сербия.

О.А. Донских. Поскольку вопросов пока больше нет, слово Стефану Шнайдеру.

Стефан Шнайдер¹. Прежде всего, разрешите поблагодарить Вас, Олег Альбертович, и Вас, Александр Аркадьевич, за приглашение на этот круглый стол, тем более, что я здесь являюсь единственным зарубежным представителем, представителем Германии и Гейдельбергского университета. Я заранее прошу простить мои языковые ошибки. Надеюсь, что они не мешают понять суть моего доклада. Хочу еще отметить, что в Германии, в общественности, в настоящее время тема Первой мировой войны почти никакой роли не играет. Это тема строго научного дискурса, но и здесь интерес к ней невелик. Представляемое мной здесь исследование – единственная монография последних двадцати лет на интересующую нас тему.

Итак: «Прыжок во тьму или как была развязана Первая мировая война» (*Der Sprung ins Dunkle oder wie der 1. Weltkrieg entfesselt wurde*).² Хотелось бы предложить свои замечания к этому детальному исследованию немецкого историка Дитера Гоффмана, заслуживающему особого внимания, обещающему привлечь ученых (и не только ученых) в Германии и в других странах, к новой плодотворной дискуссии о причинах и последствиях Первой мировой войны.

¹ Выступление С. Шнайдера приведено с большими сокращениями, поскольку все тезисы подробно представлены в его статье «Заметки к монографии Дитера Гоффмана о Первой мировой войне: «Прыжок во тьму», опубликованной в данном номере журнала.

² Hoffmann, Dieter: *Der Sprung ins Dunkle oder wie der 1. Weltkrieg entfesselt wurde*. – Leipzig: (Milzke Verlag) 2010. – 367 S.

Новых источников Гоффман почти не приводит, но это и не было его целью. Он тщательно проанализировал все известные письменные и устные высказывания германских и австро-венгерских властей по поводу начала войны, учитывая при этом различные мнения общественности. Оригинальность этого исследования заключается в том, что анализ ведется на фоне тезиса концепции «превентивной войны», в том, как Гоффман сравнивает, сопоставляет и интерпретирует эти высказывания властей и общественности. Основываясь на собрании цитат, историк рисует наглядную картину внутренней жизни Германской империи. Гоффман расследует, прежде всего, причины конфликта, возникшего летом 1914 года. Гоффман, на мой взгляд, доказывает, что вопрос вины и ответственности за развязывание войны надо рассматривать более дифференцировано, чем это до сих пор происходило в историографии.

Гоффман не только интересуется вопросом, как европейское общество, в частности германское, могло допустить катастрофу такого масштаба, но и дает ответ на этот вопрос. Исследователя интересует *вина* именно общества, а не только властных структур. Но, к сожалению, главный тезис автора о развязывании германскими властями именно «превентивной» войны не совсем убедителен. На мой взгляд, употребление этого военно-политического термина – «превентивная война» – в данном случае не совсем оправдано.

Концепция «превентивной войны», как ее изображает Гоффман, это, по-моему, **идейная конструкция**, которая служила разным структурам власти для достижения одной военной цели: нападения. При этом данные структуры власти руководствовались различными убеждениями, мотива-

ми, интересами. Проблема состоит в искусственности упомянутой конструкции. Дело в том, что некоторые властвующие группировки прикрывали такой конструкцией собственные военные или политические цели. Но были, вот что интересно, и группировки, которые не сомневались в правильности построенной конструкции. И была, например, правительственная группировка, которая подстраивалась под доминирующую власть. Так как Гоффман в поисках причин и мотивов начала войны постоянно учитывает и исследует психологические моменты замешанных в развязывание войны лиц, хотелось бы ввести в сложную и не очень устойчивую конструкцию «превентивной войны» категории самообмана и самооправдания. Эти категории являются важными элементами нашего человеческого поведения вообще. Ими можно объяснить различные действия психологического, морального, преступного и так далее плана. Большая политика до сих пор «успешно» решает такими методами сложнейшие проблемы. Достаточно вспомнить «превентивную» войну против Ирака и другие аналогичные примеры.

Следует отметить, что исследование Гоффмана – захватывающий текст, блестящий анализ, дающий новую интерпретацию на основе известных источников. Исследование Гоффмана дает новые ответы на сложнейшие, до сих пор не решенные вопросы. Один из этих вопросов касается ответственности за Первую мировую войну – проблематике, которую и сегодня даже в научном дискурсе толкуют либо односторонне, либо умалчивают. Я думаю, что, несмотря на то что главный аргумент «превентивности» довольно спорный, книга предлагает новый подход к вопросу развязывания войны. Взгляд Гоффмана во-

внутри Германии объясняет существование разных властвующих группировок и доказывает, что не было единой позиции власти. Особенно это сказывалось в соотношении военной и правительственной группировки. И в связи с этим Гоффман находит разные мотивы, почему началась война именно в тот момент. Он показывает альтернативы, как могло бы это произойти иначе. Я здесь опять вижу состыковку с аргументацией Александра Аркадьевича о сослагательном наклонении в истории. Свообразная концепция «превентивной войны», кажется, в состоянии разъяснить некоторые пробелы в истории, приведшие к ужасной катастрофе. Книга обещает послужить хорошим импульсом для дальнейших исследований.

Виктор Васильевич Крюков. Мне все-таки остается непонятным, хотя я довольно много читал, такой момент. У нас устойчивые, причем официально оформленные договорные отношения с Германией, а тут вот такой эпизод: племянничек Ники в обход своего дядюшки Вилли на своей яхте «Штандарт» подзывает своего министра иностранных дел и говорит: «Мой министр, мой министр, подпишите вот это. Только, чур, не читая!» Это был договор, секретный договор с Францией. Вот что это за поворот? Почему? Я никак не могу понять.

С. Шнайдер. Здесь на самом деле объясняется очень многое или, если смотреть с другой стороны, здесь всплывают очень многие нерешенные вопросы. Как Александр Аркадьевич говорил, мы имеем германский мир, российский мир, а тут еще Франция. В России были группировки, как я понимаю из документов, которые просто были в шоке, когда узнали, что договор включает еще и разные пункты, о которых

до этого не знали. Т.е. подписывался договор, где в дополнении были написаны условия, которые в прямом смысле вели к войне. Это были условия такого рода, что до такого-то года вы должны закончить строительство стратегических железнодорожных дорог, которые, кроме военного, никакого другого смысла не имели. Этого ведь в договоре сначала не было. Договор подписали в Париже и вернули с тем документом, с дополнительными условиями. И российская власть, вернее власти, к этому были не готовы. Возникали вопросы: а почему подписали то, что явно угрожало отношениям с Германией? И сама эта подпись – она загадка, ведь если бы знали дальновидно, что эта подпись решает судьбу России... Идти с Францией против Германии, это все-таки, правда, странно, но это можно объяснить, вернее, – следует объяснить.

А.А. Гнесь. Виктор Васильевич, дело в том, что этот эпизод рассмотрен как раз в архивных документах, с которыми работал ранее упомянутый историк Б.А. Романов. Встреча кузенов Вилли и Ники в Бьеркском проливе была достаточно закрытым мероприятием. От России Бьеркский договор подписали 24 июля 1905 года только Николай II и адмирал Бирилев. Договор заключался в том, что, если одно из союзных государств подвергнется нападению другой *именно европейской державы*, второе обязывалось прийти на помощь своему союзнику. В рамках этого договора ролью России было постараться убедить Францию присоединиться к русско-германскому союзу. Если бы этот договор за спиной Германии не был аннулирован российской стороной с подачи, как это не пронично, германофобами немецкого происхождения, премьер-министра С.Ю. Витте и министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа,

то возник бы по своей сути антиатлантический континентальный блок от французского Бреста до Сахалина. Франкофильская традиция в русской политике и общественной жизни, закрепленная отцом Николая II, Александром III, привела к тому, что Вильгельма II после встречи в Бьерке попросту обманули. А в 1918 году Н. Бердяев писал в том же франкофильском духе: «Многие русские почувствовали Францию родной. Жаждали помочь ей своей силой, поддержать ее. Спасение Франции – одна из великих, мировых задач России!» Как мог Вильгельм к 1914 году иметь искренне дружеское отношение к своему кузену и российскому правительству, когда за его спиной, в обход заключенных соглашений российская сторона связывает себя союзом с потенциальными врагами Германской империи: Англией, старавшейся всеми силами не допустить того, чтобы Германия стала морской державой и Францией, претендовавшей на исконно тевтонские и никак не галльские земли, Эльзас и Лотарингию. При этом даже к 1913 году у России с Германией не было кардинальных (необратимых) проблем в отношениях.

С. Шнайдер. Я хочу добавить, что Франция срочно нуждалась в партнере против Германии. Это проблема – германо-французская. И это касается мирового статуса Франции и внутренней политической обстановки во Франции, и даже менталитета французов, как они себя видят. Франция потерпела полный крах в 1871 году, и это пытались как-нибудь поправить, а становилось все хуже и хуже. Германия начала наращивать силы и успешно это делала. Франция начала искать партнера. И, как Александр Аркадьевич объяснил, нашла его в обход Германии. И здесь проблема в том, что экономическая мощь Франции и ее ста-

тус падают, резко падают, а Россия продает зерно, наращивает бюджет и так далее. Германия становится сверхдержавой, Франция теряет значение, и тут мостик к России, это можно понять.

Г.А. Антипов. Вы сказали, что книга, которую Вы рецензируете, написана в чисто научной модальности.

С. Шнайдер. Не совсем.

Г.А. Антипов. А в чем не совсем?

С. Шнайдер. Я это упустил – здесь следует отметить следующие взаимосвязанные моменты. Гофман – ученый не из университетского истеблишмента; он историк, но не имеет профессорской ставки. Он самостоятельно начал этот проект, правда, его поддержал немецкий историк и политолог Петер Граф Кильмансег, специалист по Первой мировой войне. Поэтому Гофману пришлось долго искать издательство – издана книга в малоизвестном издательстве *Милитцке* (Militzke). Таким образом, книга предназначена не для узкого круга специалистов-историков. В этой связи возникли и коммерческие требования. Гофман, например, прибегает к необычной форме цитирования, и, скорее всего, он идет тут на уступки непрофессиональному читателю и коммерческим интересам.

Г.А. Антипов. Я понял, но я имею в виду другое. Это и у коллеги тоже звучало. Там фигурируют такие понятия, как вина (тех или других), ответственность, но это ведь понятия не из научного, в том числе не из научно-исторического дискурса. Задача историка, как это выразил Леопольд фон Ранке, показать: «wie es eigentlich gewesen» («как было на самом деле»). Он не должен судить и обвинять, его цель показать, как на самом деле было. Этим, кстати, был задан основной императив научной, в собственном смысле, истории. До этого момента

история существовала в виде исторической памяти и была не продуктом познавательной деятельности, опять-таки в собственном смысле, а продуктом мемориальной практики. Историческая память функционирует во многом подобно индивидуальной памяти человека. Общество тоже бывает злопамятно. Наука же существует по ту сторону добра и зла. Вспомните А.С. Пушкина: «А между тем отшельник в темной келье / Здесь на тебя донос ужасный пишет: / И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда». Пушкинский летописец Пимен как раз и занят мемориальной практикой. Он не ученый-историк в современном смысле. И современные «битвы за прошлое», бушующие в России, не имеют прямого отношения к исторической науке, к которой противники постоянно обращаются как к третейскому судье. Все это игры исторической памяти. Именно к истории/памяти, процессам ее формирования относится известный тезис М.Н. Покровского «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Различные политические силы пытаются так сформировать историческую память, чтобы она на них «работала», чтобы общество «вспоминало» именно те деяния и события, тех персонажей, идеалы и действия которых представляются созвучными потребностям сегодняшнего дня. История как наука имеет своей целью исследование прошлого в соответствии с идеалами научной рациональности, т.е. независимо от мемориальных практик, которыми заняты сейчас писатели, поэты, кинорежиссеры и прочие любители. Они не исследуют прошлое как таковое, они его «конструируют» таким, каким, по их мнению, оно должно было бы быть. Они заняты мемориальной практикой. Их вовсе не интересует объективная истина, да и не должна интересо-

вать. Жизнь ведь есть борьба, борьба за настоящее, в которой ищут верных союзников в прошлом. И, естественно, находят. Все это современные пимены, хотя их жилищные условия несколько отличаются от тех, в которых жил и творил пушкинский Пимен. Тогда вопрос: если Вы используете термины виноват-не виноват, значит – «судите» прошлое. В данном случае. Вы выходите за рамки научного дискурса – в идеологию, политику и т.д., покидаете поле чистой науки.

С. Шнайдер. Не совсем согласен, потому что эта книга имеет все-таки определенную цель. Главное, что Гоффман пользуется категориями «вины» и «ответственности», чтобы объяснить, что как раз такой подход, который пытается определить «виновного-невинного» в этой войне, – неправильный. Именно в Германии эти категории мешают разобраться в причинах и последствиях этой войны (думаю, что на самом деле в научном дискурсе в России похожая ситуация). И поэтому Гоффман вынужден обращать внимание на эти понятия.

Михаил Викторович Шиловский. К понятию превентивности. Превентивность в моем понимании – это ситуация 1941 года, когда якобы две стороны (Германия и СССР) готовились ко взаимной агрессии, и, как объяснял Гитлер 22 июня, мы опередили русских, которые, как утверждает Виктор Суворов, собирались 4 или 6 июля напасть на немцев.

– Но ведь это бредятина.

М.В. Шиловский. Сказанное относится к термину превентивность, а не к тому, что, якобы, планировалось. Применительно к обсуждаемой проблеме, что понимается под превентивностью? Обе группировки (Антанта и Тройственный союз) сложились к 1907 году, а дальше начинается по-

иск повода для войны: Боснийский кризис 1908 года, две балканских войны, Марокко, наконец, миссия германского генерала Лимана фон Сандерса в Турцию. И наконец, нашли этот повод – убийство Франца Фердинанда. Причем тут превентивность?

С. Шнайдер. Я ведь сам сказал в самом начале своего доклада, что этот тезис о именно «превентивной» войне мешает, что надо было бы более ясно указать на условный характер этого аргумента. Повторяю, Гоффман неудачно воспользовался этим понятием. Оно неудачное, потому что здесь не было конкретной угрозы. Гоффман сам подчеркивает, что никакой военной угрозы не было, поэтому не было и превентивного удара. Из этого следует, что нельзя говорить о «превентивной» войне.

– Но это ключевое понятие.

С. Шнайдер. Но используется оно, хотя это, повторяю, в исследовании не всегда ясно, условно и целенаправленно. Кроме того, концепция о «превентивном ударе» действительно встречается в официальных документах и письмах. Тут опять состыковка с Александром Аркадьевичем. Он описывает ситуацию в Германии, где подстраивались под то, что мы называем как-то угрозой, угрозой военной, экономической, политической и так далее. И здесь намечается «превентивная» категория, которая и Гоффманом, и в документах определяется совершенно по-разному, иногда неточно и даже неправильно, я согласен. Но аргумент «превентивной войны», о «превентивном ударе» всплывает. А имеется в виду вот это «вовремя», «не опоздать», «не дай Бог, в 1916 году Россия будет готова», российско-французский договор – это все имеется в виду, если Гоффман разъясняет обстановку 1914 года с помощью аргумента «превентивности». Поэтому «превентивность» – это

профилактика. Я в своем докладе пытался показать, что под аргументацией о «превентивной войне» следует понимать **идейную конструкцию**.

Г.А. Антипов. Я хотел бы немножко подискутировать по некоторым основным пунктам тех текстов, тех представлений, тех изложений текстов, которые мы здесь услышали. И прежде всего по поводу точки невозврата. Если в крайне общем смысле говорить, то мой ответ: точкой невозврата стала отнюдь не Первая мировая война. Причем вовсе не для европейской цивилизации в целом. И говорить о ней как о цивилизационной катастрофе, с моей точки зрения, оснований нет. Вообще, концепт цивилизации в научном анализе заслуживает более корректного отношения, чем это сплошь и рядом встречается. Корректным же будет всегда, когда пишем «цивилизация», в уме следует держать – «культура». Цивилизацию следует рассматривать как продукт, результат, «реализацию» некоторой культуры в среде, составляющей основу ее жизни. В этом смысле один и тот же тип культуры может воплощаться в различных формах, порождать разные цивилизации. Сравним, например, формы социальной жизни феодальной Японии и европейских стран той же стадии развития. Неписанный моральный кодекс японского самурайства, известный под названием «путь самурая-воина» (бусидо), и кодекс дворянской чести в европейских феодальных обществах – культурные феномены одного порядка. Но сколь различны они в качестве явлений разных цивилизаций! Если вещи, постройки, кодексы, произведения искусства, язык, стили мышления и т.д. характеризуют цивилизацию, то, скажем, идеалы, нормы и ценности – культуру. Так что в соответствующих контекстах научного анализа следует

иметь в виду систему: «культура – цивилизация». Тойнби рассуждал о «душе» культуры. Правильнее, однако, раз уж говоришь на «душевном» языке, посчитать саму культуру – душой цивилизации. Теперь о катастрофах и точках невозврата. В определенном смысле вся история в силу необратимости времени состоит из сплошных точек невозврата, а также катастроф. Все ведь относительно, нет абстрактных истин, истина всегда конкретна, как учили нас в стародавние советские времена. Всякая система включает как аспекты изменяющиеся, так и инвариантные, устойчивые. Все изменяется под нашим зодиаком, но Пастернак, как известно, остается Пастернаком. Иногда, действительно, система приходит в нестабильное состояние, когда нарушается равновесность отдельных ее подсистем. Например, политической подсистемы. Коллизия разрешается тем, что изменения, пройдя точку невозврата, приводят к установлению равновесия на принципах, не имевших места в прошлом состоянии. Применительно к предмету нашего обсуждения – Первой мировой войне напрашивается аналогия с Тридцатилетней войной, которая, на самом деле, состояла из серии столкновений, войн двух коалиций европейского масштаба. Она, действительно, стала точкой невозврата для своей эпохи, приведя к установлению Вестфальской системы международных отношений, определенные характеристики которой сохраняют силу до сих пор. Я думаю, что и Первую мировую войну нельзя понять в отрыве от Второй. Они «скованы одной цепью». В целом это была своего рода тридцатилетняя война XX века. Кстати, и по временному интервалу они почти совпадают. Характерно и то, что как в «первой» Тридцатилетней войне присутствовал религиозный момент (ка-

толики – протестанты), так и во второй он присутствовал. Ведь фашизм и коммунизм тоже можно рассматривать, правда, как квазирелигиозные системы. Можно указать и еще на несколько параллелей: общеевропейский характер войны, война как столкновение двух мощных коалиций, одна группа стран противостояла другой и т.п. Самое важное, однако, в том, что в Европе начала складываться так называемая система равновесия, не допускавшая гегемонии какой-либо одной крупной державы. Вестфальский мир превратил «равновесие» в основную канон международной политики европейских государств. Нельзя не учитывать для перспективы XX века с его тридцатилетней войной того, что первая Тридцатилетняя война разворачивалась на социальном фоне консолидации национальных европейских государств и разграничения их территорий. Где же тогда пресловутая точка невозврата, имея в виду уже XX век? От чего к чему и когда оказался невозможным возврат? Ответ достаточно очевиден. Точка невозврата была пройдена для империй, как наднациональной политической формы. Окончание Первой мировой войны стало концом Австро-Венгерской империи, развалились, но на исторический миг реанимировались Российская империя в виде СССР и Германская империя в виде Третьего рейха (не считая достаточно эфемерной Итальянской империи Муссолини). Наконец, Вторая мировая война отравила в след за ними в исторический ад и Английскую империю вместе с Французской. Правда, их агония не совпала с днями окончания Второй мировой войны. Однако это не меняет сути дела. Не меняет сути дела и то, что агония империи СССР затянулась несколько дольше. Точка невозврата была пройдена. Итак, можно ли считать

Первую мировую войну «культурной катастрофой»? Ничуть не бывало. Напротив, социокультурный код европейской цивилизации продемонстрировал свою живучесть, так же как и подтвердилось само наличие этого кода. «Ты жива еще моя старушка? / Жив и я. Привет тебе, привет!» Но вот громы надвигающейся возможной катастрофы Европы, действительно, уже гремят. Я имею в виду катастрофически растущий исламский элемент в европейских странах. Показательно в этом отношении недавнее заявление федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, согласно которому попытки построить мультикультурное общество «полностью провалились». Невольно вспомнишь незабвенного Ильича с его брендом: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Сказанное дает возможность ответить и на вопрос, почему Россия с Францией, почему не с Германией, монархически и в ряде других отношений более близкой ей, чем республиканская, демократическая Франция? Ситуация совершенно аналогична той, которая имела место в Тридцатилетней войне XVII века, когда католические правители Франции поддерживали немецких протестантских князей. Европейские страны того времени вступали в союз, как правило с той из стран, которая оказывалась в данный момент в неблагоприятном положении, с целью поддержать ее и не допустить чрезмерного усиления ее противника. Система равновесия!

– Закат Европы.

А.Г. Антипов. Ну, мало ли что Шпенглер придумал! Ну, жива еще европейская цивилизация, это факт, а не реклама. Вынесла она все и «широкую ясную...» Я бы употреблял более мягкие термины, чем кризис, катастрофа. Если и говорить о кризисе, то это был кризис политического об-

раза мышления. Тот тип политического мышления, который сформировался в века феодальной Европы, тоже традиционного общества, с основным тезисом: война есть продолжение политики иными средствами; война ведется за расширение и приобретение территорий. Чисто феодальный стереотип политического мышления, укоренившийся тогда. А тут пошла глобализация. Поэтому я присоединяюсь к утверждению, что глобализация началась не тогда, когда о ней заговорили, глобализация началась в IX веке. Ленин, правда, в причудливых, неадекватных формах представил: война за рынки сбыта и т.д. Это частный случай был. А глобализация... Англия была империей, над которой не заходит Солнце.

Все эти ситуации, которые настолько четко проявились сейчас, уже в середине IX века имели место, а концу IX века уже и телеграф был, и телефон, и кабель из Америки. Различие между тем, что мы сейчас имеем, лишь количественное.

Маргинализация общества – очень важный момент и для Германии, и для России, да и для Европы в целом, – объясняющая всю эту так называемую социалистическую революцию, уже имела место быть. Поэтому тут особых принципиальных различий нет. Поэтому то, что произошло, я имею в виду знаменитые августовские пушки, 1914 год, это очень яркое, четкое выражение этого противоречия между образом прежде всего политического мышления, сформировавшегося в европейской культуре, в европейской цивилизации, и теми изменениями мира, которые уже стучались в двери и в окна лезли. Это результат несоответствия этого образа мышления тому, что имело место в реальности, и это противоречие и разрешилось в виде войны, потому что война такого рода противоречия и

разрешает. Кроме того, я должен добавить, что это еще и империи столкнулись. И они разрушились. Потому что империи – это тоже, вообще говоря, политическая форма, характерная для традиционного общества, для прошлого, и они не стойки. Их крушение, в том числе крушение Советского Союза как последней империи, – это результат тех же самых процессов.

М.В. Шиловский. Мне представляется, что Александр Аркадьевичи Стефан сделали интересные сообщения, и вообще проблема актуальная. И не потому, что в 2014 году исполнится 100 лет с начала Первой мировой войны, и к этому надо готовиться, а еще и потому, что эта война отложилась в нашем сознании в виде целого комплекса стереотипов, которые, к сожалению, не меняются до настоящего времени. Война эта империалистическая, захватническая, и виноваты в ней все, кроме Сербии, ставшей объектом агрессии австро-германцев. И Россия (чуть ли не как тимуровец) бескорыстно помогала Англии и Франции, а они ее надули и она оказалась в стане проигравших, как и Германия, и только в Рапалло в 1926 году коммунисты начали восстанавливать применительно к ней статус великой европейской державы.

На самом деле, за пределами этого поля остается целый комплекс проблем. Ну, например, роль США. Я думаю, что если бы американцы вступили в войну не в 1917-ом, а в 1915 или 1916 году, то у нас никакой революции в 1917 году не было бы. И Германию с Австро-Венгрией разгромили бы гораздо раньше. Если бы США в 1939 году объявили состояние войны нацистской Германии, то навряд ли состоялась бы фашистская агрессия против нашей страны. В данном случае я бы в порядке пожелания предложил Аркадию Аркадьевичи

чу прописать в контекст своего исследования и Российскую цивилизацию, так же, как англо-саксонскую и бюргерскую. Она была расплывчата и охвачена кризисными метастазами. Россия тоже участвовала в войне и за что-то боролась. За крест над Святой Софией, за объединение поляков под своей эгидой. Ее пакет претензий и требований был, пожалуй, самый внушительный из всех великих держав-участниц войны. Потому что развитие России осуществлялось в системе империостроительства, а империя не может не расширяться, иначе она обречена. А раз Русско-японскую войну 1904–1905 гг. проиграли, похвастаться Николаю II (записать в свой актив) было нечем с точки зрения территориальной экспансии, только установленные протектората на Урянхайском крае в 1914 году. Значит, надо было осуществлять крупномасштабный экспансионистский проект, и она влезла в войну со своими целями.

Но для России, как мне представляется, Первая мировая война не была катастрофой. Любая война – это прежде всего катастрофа демографическая, катастрофа экономическая. А вот с точки зрения цивилизационного развития эта война для России стала мощным импульсом, катализатором ее развития. Во время нее происходит существенное ускорение модернизационных процессов, начатых С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным и позже уже коммунистами доведенных до создания в стране индустриального общества. Во-первых, в армию мобилизовали примерно 15 млн. мужиков, в том числе один миллион в Сибири (каждый второй трудоспособный индивид). И они впервые выехали за пределы своей деревни или волости, 2 млн. оказались в качестве военнопленных в Германии

или Австро-Венгрии. Они посмотрели на другую цивилизацию.

– Их в Сибири потом доучивали, повышали квалификацию.

М.В. Шиловский. Почему? Мне в архиве попались воспоминания одного фронтовика, который побывал в плену. И привез оттуда не что-то сверхестественное, а семена помидоров. Не было их у нас в Сибири, а ему это понравилось и он начал их разводить под Ордынкой. Это ведь тоже цивилизационное развитие.

Дальше. Во время войны начинается формирование новой военной элиты. Те, которые пришли в Германию в 1945 году, появились именно тогда. И.С. Конев, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский – все они порождение Первой мировой войны. И вообще новый офицерский корпус в России, к 1917 году это примерно 200 тысяч человек, взамен выбитых кадровых военных, – это бывшие студенты, семинаристы, учителя, это прапорщики военного времени. И именно они составили костяк и красной, и белой армий.

Война 1914–1918 гг. применительно к России – это важный этап экономического развития. Первый лэндлиз – мы почему-то про него не говорим. Американцы во Владивосток завезли столько, что до 1926 года вывозили оттуда (паровозы, станки, вооружение), колоссальное количество техники мы получили в это время. Но в отношении Отечественной войны 1941–1945 гг. мы говорим о лэндлизе, по-разному, но говорим. А здесь вообще умолчание. Мурманскую железную дорогу для чего строили? Был дан мощный импульс экономическому развитию.

Такой же импульс получила тогда Сибирь. Именно тогда началось промышленное освоение Кузбасса. Достаточно вспом-

нить об акционерном обществе «Копикуз», начавшем строить коксохимический завод в Кемерово для получения толуола, о Кольчугинской железной дороге и других железнодорожных ветках, о развитии шахт.

Здесь говорили об эмансипации женщин в России. Но именно во время обсуждаемой сейчас войны произошли существенные сдвиги в этой сфере. Если во всей предшествующей эпохе была известна лишь Надежда Дурова, знаменитая кавалерист-девица, ротмистр, которую благодаря не нам историкам, а водевилю, а потом художественному фильму под именем Шурочки Азаровой знают все, то в Первую мировую благодаря нашей сибирячке поручику Марии Бочкаревой началось создание женских ударных батальонов. Более 30 тысяч женщин пришли в армию не в качестве санитарок и сиделок, а военнослужащими. Начинают принимать женщин в университеты, появляются подготовленные в России женщины-врачи, юристы, ученые. Женщины замещают мужчин в сфере производства, в системе государственной службы. Размываются сословные устои. С одной стороны, Российская империя развивалась и пыталась расширяться, а с другой стороны – создавала условия для перехода в новое качественное состояние. Поэтому я считаю что никакой катастрофы применительно к России в годы Первой мировой войны не произошло.

О.А. Донских. Правильно я Вас понимаю, что, напротив, был дан импульс развитию?

– Да. Импульс!

– Сопровождающийся катастрофой?

– Нет, у нас вся жизнь, каждые пять лет катастрофа! Цикл такой. Сначала ничего, потом – взлет, потом стабилизация и стагнация, а затем развал.

С.А. Красильников. Уважаемые коллеги, я, безусловно, с большим интересом выслушал то, что здесь было сказано, и не могу не отреагировать на те порой парадоксальные суждения, которые здесь высказывались Георгием Александровичем и Михаилом Викторовичем. Мне кажется, можно эту проблему поставить в плоскость знаменитую, или даже бессмертную: «Война и мир». Представим себе это как смену состояний. Было состояние мира, затем наступило состояние войны, а затем выход из этого состояния. И очевиден вопрос: а что завтра, «на следующий день»? Вот уже лет двадцать я изучаю именно то, что произошло после эпохи войн и революций, применительно к России. И с этой точки зрения, ключевой видится проблема, что произошло с социальной динамикой (а именно она вбирает в себя другие динамики – политическую, экономическую, культурную) по выходе из этой эпохи. А эпоха эта, начавшись в 1914 году, у нас, как известно, была продлена. Не в 1918 году все это завершилось, а завершилось, как минимум, в 1922-м.

У известного историка и философа Михаила Гефтера, писавшего об этой исторической фазе, есть замечательный оборот: «Стране предстоял переход от гражданской войны к гражданскому миру». При этом он же отметил, что большевики такую программу даже декларировали, но она так и осталась, по большому счету, нереализованной.

Последствия этого выхода/перехода для России продлились на «добрых» десять лет, потому что состояние вот такого, будем говорить, повышенного ожидания новой «военной тревоги», «военной угрозы» продолжалось и на протяжении и 20-х годов, культивировалось в политической практике и в массовых настроениях, то есть «сверху» и

«снизу» в разных совершенно формах. Война как феномен занимала доминантное положение в российско-советском пространстве и в социальном времени, во всех его трех измерениях – прошлом, настоящем и будущем. Сибирский регион в 1920-е гг. был территорией, «неблагополучной по бандитизму», на этих просторах конфликты и драмы военно-революционной эпохи воспроизводились в формах белого, красного, политического бандитизма и т.д. Так вот, ничто не проходит бесследно. Война это, конечно, культурная катастрофа, но не только культурная, а конечно, и гуманитарная, в широком смысле этого слова. И с этой точки зрения, для меня принципиально важно изучать ту институциональную основу происшедшего, тот феномен, который можно назвать огосударствлением или этатизацией социума и всех форм его жизнедеятельности, что я считаю важнейшим следствием эпохи Первой мировой войны. Межвоенный (между двумя мировыми войнами) период, как бы мы могли назвать его, деполитизируя, – это как раз нарастание тенденций огосударствления, этатизации, овеществившихся в формировании тех мобилизационных режимов, которые мы теперь называем тоталитарными. Они ведь возникли не спонтанно, а имели определенного рода почвенность. Это закрепление и тиражирование тех образцов, которые в невоенное время позволяют задействовать мобилизационные механизмы. Причем, не только в экономике, не только в чисто политической сфере, не только в чисто военной, но и в культурной. Культура превращается в это межвоенное время в мобилизационный ресурс. Посмотрим на советскую Россию, далее – СССР. С конца 1920-х годов, когда милитаризация стала вновь нормой, начиная от политики, эко-

номики, создается военно-промышленный комплекс; формируется, нормативно задается мобилизационный тип культуры; реализуется, как мы ее назвали, культурная революция, органично терминологически оформленная в терминах военного языка: «культурный фронт», «культурармейцы», «культпоход», неграмотность «ликвидируется» и так далее. Другой вопрос: каково было качество такого редуцированного типа культуры. Но этим я хочу подчеркнуть достаточно простую мысль: однажды вступив на этот путь, при наличии объективных и субъективных условий, военно-мобилизационный ресурс можно было воспроизводить, задействовать, закреплять. И мы имеем то, что мы имеем. Я согласен с теми, кто считает, что именно благодаря тому, что наш родной большевистский режим родился из эпохи войн и революций, и тому опыту, который он оттуда вынес, он блестяще по-своему подготовил наше общество к восприятию следующей войны, которая случилась как Вторая мировая война. Десятилетие, все тридцатые годы, страну готовили к этой войне, и пропитали этой будущей войной и психологию, и культуру, и экономику. Такой мобилизационный ресурс создали, который при гигантских совершенно потерях дал возможность не проиграть эту войну, а ее выиграть. А цена этого дела – это особая совершенно вещь, к которой мы только пытаемся прикоснуться и ее измерить. Это цена милитаризации сознания, цена милитаризации культуры, цена огосударствления всего и вся.

Еще хочу сказать, что когда изучаешь феномен отечественной интеллигенции, то прекрасно видишь, что на входе в Первую мировую наша интеллигенция одна, а на входе во Вторую мировую – совсем дру-

гая. Совсем другое качество. Ленину, как бы к нему не относились, принадлежит меткий диагноз: он говорил в годы гражданской войны о том, что большевики в наследство от прошлого получили разрушенную экономику и «отчаявшуюся интеллигенцию». Я бы добавил, что и «расколотую интеллигенцию», учитывая эмиграцию не только внешнюю, но и «внутреннюю», как тогда называлось нежелание сливаться с новой властью. Но дальше большевики преуспели в углублении этого раскола, деля интеллигенцию на «свою» и «чужую», используя конфронтационные технологии. В итоге милитаризм или мобилизационный тип и власти, и общества и интеллигенцию делают другой. И когда я слышу слово «мобилизация» применительно к тому, что сейчас пытаются представить в качестве технологии для нашего «рывка вперед»...

– Инновация!

– Инновация, да. Осуществлять ее способами, апеллируя к советскому опыту... я просто вижу как реанимируются вещи, которые мы уже проходили на протяжении XX века.

В войну ввязаться можно было одновременно, а выйти из нее с тем опытом воспроизводства мобилизационных и конфронтационных технологий, на которых произрос тоталитаризм, и с той ценой, которую за это заплатило общество, – это, конечно, несоизмеримые вещи, когда оценка делается в категориях «прогресс-катастрофа». Поэтому я все-таки считаю, что Первая мировая война – это гуманитарная, и культурная, и какая угодно, но именно катастрофа. Если она и стала катализатором в военнотехнической, экономической и других сферах, то в социально-культурной она укрепила скорее регрессивные начала и тенденции.

Н.И. Макарова. Во-первых, что касается того, что Первая мировая война расчистила дорогу для нового этапа европейской культуры, то это утверждение мне кажется спорным, поскольку многие явления, характерные для культуры XX века, были уже сформированы до войны. В отношении эмансипации женщин: борьба за права женщин начала последовательно вестись с конца XVIII века с требований равноправия, которые прозвучали в США во время Войны за независимость 1775–1783 гг. и во Франции во время Великой французской революции 1789–1799 гг. К началу XX века были уже достигнуты значительные успехи. Так, в нескольких странах женщины получили ограниченную возможность участвовать в выборах, а в Финляндии в 1906 году женщины впервые получили безоговорочное право избирать и быть избранными в органы власти. Далее, что касается искусства, то, например, кубизм, который, повлиял кардинальным образом не только на изобразительное искусство, но и на литературу и музыку XX века, сложился в основных чертах уже в довоенный период. Так, первый коллаж Пабло Пикассо «Натюрморт с соломенным стулом» (Музей Пикассо, Париж) был выполнен в 1912 году. Таким образом, многие явления культуры, характерные для нашего времени, были в основных чертах сформированы до Первой мировой войны.

Мне в связи с событиями Первой мировой войны и ее влиянием на последующее развитие культуры скорее интересно посмотреть на формирование нового политического мышления. Дело в том, что если мы рассматриваем Первую и Вторую мировые войны как связанные между собой, то один из основных их результатов – это крушение империй и отход от идеи мировой

империи как некоего идеала, сформировавшегося в эпоху Возрождения (хотя корни его, безусловно находятся в имперском мышлении Древнего Рима). Если мы обратимся к периоду Нового времени, то существовал идеал мирового порядка, в основе которого было доминирование европейской христианской цивилизации, которая должна была принести начала цивилизованной жизни другим народам и государствам. Если мы берем эту идею в отношении России, то она была жива в двадцатые и в тридцатые годы, поскольку мы стремились к осуществлению революции и в мировом масштабе.

– Мессианский миф?

Н.И. Макарова. Мессианский, да, совершенно верно. И в этом отношении интересно посмотреть на изменения в идеологии, поскольку после Первой и Второй мировых войн произошло крушение основных империй. Хотя рудименты имперской идеологии живы и по сей день, но, тем не менее, эта идеология, как мне кажется, уже лишена той привлекательности и, самое главное, внутренней нравственной оправданности, которая отличала ее в прошлом. Завершая, хочу сказать, что с моей точки зрения, Первая мировая война – это культурная катастрофа. Не только потому, что погиб каждый седьмой, принимавший участие в войне, но и потому, что крушение прежних идеалов, сформированных в начале Нового времени, произошло слишком резко и страшно.

Наталья Леонидовна Чубыкина. Начну с того, что я полностью присоединяюсь к тому, что говорил Сергей Александрович о том, что Первая мировая и ее продолжение – Вторая мировая война – гуманитарная и культурная катастрофа. Конечно, об этом сегодня многие говорили.

Есть у Татьяны Толстой рассказ «Лилит», она описывала трансформацию женщин от конца XIX века – начала XX до века нынешнего. В нем есть такие строки: «Если Первая мировая война раздавила бескостных наяд, превратив их в поджарых подростков, то Вторая мировая война превратила их в бойцов, они очнулись...»

– Никитами.

Н.А. Чубыкина. Да-да, и поняли, что терять уже совершенно нечего, пора приобретать, и ринулись в этот мир воевать. Мобилизовались.

На мой взгляд, это катастрофа, потому что катастрофа это... Что? Наверное, системное разрушение. Да, возможно какое-то восстановление, но не того, что было, а чего-то совершенно нового. Мы находимся сейчас внутри процесса и уже поэтому не можем еще полностью оценить его. И процесс, начатый Первой мировой войной, не завершен. Посмотрите, что произошло. Есть у философов категория перехода количества в качество. Так, как убивали в Первую мировую, не убивали ранее, – миллионами, не видя убитых, не руководствуясь уже никакой патриотической идеей или идеологией, а просто убивая и выживая. Это приводит к разрушению не только морали – личности. И вот миллионы были убиты, а другие десятки миллионов выжили, но были разрушены. Недаром появился Ремарк, описывающий целые потерянные поколения. Потерянные поколения мужчин и женщин. Извините, я отвлекусь на тридцать секунд, как биолог хочу объяснить это по аналогии с биологическими процессами. Когда у нас в СССР в 1926 году был принят декрет о том, чтоб мамкам детей новорожденных не подносить, а держать их в роддомах от 6 часов до суток отдельно из гигиенических соображений, то

выяснилось через пятьдесят лет, что иммунный статус нации буквально разрушен. Потому что он передается в первые минуты, часы до 1,5 суток через антитела при грудном кормлении, а дальше уже, что может, – восстанавливается, благо биологические процессы защищены, разрушить до конца в живом организме их непросто. Но они восстанавливаются не во всей полноте. Примерно так же восстанавливаются, как мертвый латинский язык. На нем до сих пор говорят и пишут, но что это такое на самом деле, в первоисточнике, каким он был – никто не знает.

– В смысле – как говорили римляне – никто не знает?

– Он уже неживой.

Н.А. Чубыкина. Да, он уже не живой. Как и иммунитет, которому постоянно не хватает «самостоятельных» сил защитить организм, и его пользуют то иммуностимуляторами, то иммунодепрессантами. Как и общественные идеи, которые поддерживали общество до Первой мировой войны, а потом рухнули. В обществе была прервана вот эта связь, которая работает на духовное, на культурное воспроизводство. Одни люди убиты, другие живут с убитыми идеями. Они не могут передать идеалы гуманизма детям. Дети про это читают по книжкам, учат в школе, но не проживают.

Европе еще повезло: она не упала в гражданскую войну. Западная литература полна примерами молодых «победителей», прожигающих свою жизнь, как будто хотели закончить ее пораньше, желательно до 30 лет. Но другие хотели взять от жизни «все», наверстать упущенное, взять реванш. Европа вышла из войны – потреблять. И вот мы говорим о перерождении общества в общество потребления. Но возможно ли это без сломанной духовности, сломанных основ?

Нам повезло еще меньше. Мы пройдя гражданскую войну, озлобились и опустошились еще сильнее. Как общество мы можем совершать волевые усилия только под мобилизационным импульсом. Не знаю, насколько это хорошо. Перестали током бить, «гальванизировать» – упали, лежим.

– Как лягушачья лапка.

Н.А. Чубыкина. Да, похоже. Передавать своим детям, воспроизводить духовную, культурную структуру мы не можем.

Катастрофа – потому что происходит слом ценностей, которые утверждались веками. Культурная – потому что, следуя за мыслью Георгия Александровича, изменились именно идеалы и ценности, а за ними нормы.

Общество строится и поддерживается духовными усилиями. Нет усилий – нет общества. У гражданской войны и последующего большевизма были и исторические, и политические причины. Но без духовного оскудения общества, всеобщего, пусть даже временного, ослепления не было бы братоубийственной гражданской войны и еще более убийственного «мирного строительства».

Природа и общество развиваются по разным законам, но и в природе, и в обществе после катастрофы идет восстановление. Вопрос в том – какое. Не очевидно, что на месте уничтоженного роскошного сосняка не «восстановится» жидкий мелколиственный лес или даже кустарниковая пустошь. Сложное культурное общество имеет еще меньше шансов восстановиться на месте разрушенного в ближайший исторический период и на том же «национальном материале». Слова могут остаться, но смыслы – поменяться. И вот у меня такое впечатление, что общество еще не вышло из этой катастрофы, не родилось, мы

не знаем, что после нее будет. Наверное, что-то будет, если по оптимистическому варианту. Опять же из биологии аналогия. Есть эффект основателя: пара родителей несет в себе все биологические признаки и может основать популяцию, наделив потомков всеми этими признаками в полной мере. Адам и Ева могут возродить человечество в полной мере. Проверено на мышах, но можно надеяться, что у людей многое также.

Г.А. Антипов. Ну, так есть полный аналог. По Библии, два святых должно остаться, чтобы город возродился, или три.

Павел Дмитриевич Муратов. Мне приходится по долгу службы перебирать документы граждан. Фотографии. Вот, например, архив семьи Нагорских. Наталья Николаевна Нагорская – дворянка из служащих, папа был инженером-железнодорожником. Шесть дочек. В альбоме фотографии – дочки все ангелоподобные! И мать тоже. Наталья Николаевна сама стала матерью, появились внуки, с которыми я тоже знаком. Пришел к этим внукам посмотреть фотографии, они мне дали семейный альбом. Неотразимое впечатление! Это просто другая порода людей. Ни о какой ангелоподобности говорить нельзя. Я о внешнем виде, какие они в общении, какие внутри, я не буду разбирать, не мое это дело. А вот внешний вид!

Второй пример – альбомы Магдалины Брониславовны-Вриго-Чудновской. Тоже художник. Ее фотография: она в белой амазонке возле белого красавца коня, держит его за узду. В юности ездил верхом. Глаз нельзя отвести от этой красоты. У Магдалины Брониславовны детей не было, эволюцию рода не проследить, только отметим благородную красоту человека 1910-х годов.

И третий пример. В 1980 году на зональной выставке, которая проходила в Барнауле, был холст Галины Новиковой, живописца из Иркутска. Назывался он «Автопортрет с бабушкой». Двойной портрет: бабушка, в таком платье, которое ее женственность выявляет, в модной летней шляпе. Смотреть на нее хочется. И рядом сама Галя Новикова, в брючном костюме, надетом как наделось, очень напряженная, деловая, какой она и была в повседневности. Тоже другая порода людей относительно благополучно выглядевшей бабушки. Жизнь бабушки, выпавшая ей на долю, пришлось на первую треть XX века. Жизнь Галины Новиковой в сравнении с жизнью бабушки – сплошное внешнее благополучие и одновременно внутренняя неустроенность. Автопортрет правдив, жизнь поколений в нем осознана.

Так вот, если говорить о том, что какая, к лешему, катастрофа, принесенная Первой мировой войной? Не катастрофа – развитие! Научились делать танки и пушки, самолеты, каких прежде не видывали, овладели тяжелой промышленностью. Сколько тонн чугуна и стали выдавали на душу населения в стране?! И мы стали сильны как военизированная держава. Вот если мы снимаем при этом факт перемены человека внутри и снаружи – у нас получается прогресс. А если учитываем – деградация. Я могу привести примеры и другого порядка, например, тракторку Отто Дикса, Георга Гросса Первой мировой войны, характеристику дадаизма, возникшего в 1916 году как тотального отрицания всей мировой культуры прошлого и настоящего на тот момент, но я не хочу затягивать речь. Мое выступление – просто продолжение того, что Наталья Леонидовна сказала. Реплика в поддержку.

О.А. Донских. Я хочу несколько слов сказать. Дело в том, что, конечно, вопросов очень много. Даже в процессе подготовки, чтения статей, размышлений на эти темы, возникает масса вопросов. Очень интересно мы это обсуждали с Вульфом Яковлевичем Плоткиным. Его статья – это только небольшая часть того, о чем мы там говорили. Конечно, некоторые из этих вопросов невозможно не затронуть. Ну, например, мы говорим о Первой мировой войне, но насколько Вторая мировая война – вторая? Или можно говорить об этой войне в том же смысле, в каком говорят о Столетней войне? Потому что, понятно, не было же военных действий в течение ста лет. Или Тридцатилетняя война начала – первой половины XVII века, страшная, которая, как считается, поменяла немецкий этнос. Ясно уже было, что семена Второй мировой войны были заложены итогами Первой – Версаль. Почему и требовал Риббентроп, чтобы подписали договор в вагончике маршала Фоша, и ни в каком другом месте. Ясно уже было, что они мстили за унижения, за «гуннов». Это один вопрос, который остается. Так что, если мы говорим, что Первая мировая война привела ко Второй и Вторая – это катастрофа, то зародыш ее, конечно, в Первой.

Второй момент, который для меня является вопросом большим, лично большим, когда я представляю, что произошло с Россией в культурном отношении. Я прекрасно понимаю ту аргументацию, которую привел Михаил Викторович, по-разному это можно оценивать, есть вещи, которыми можно гордиться, но есть простой образ.

Начало XX века, берем русскую культуру. Толстой, Чехов, русская классика, великая музыка, и так далее. Тридцатые годы, замечательная троица, их перечислять даже

приятно: Михаил Семенович Голодный, Демьян Бедный и Александр Безыменский. Ну, еще и Максим Горький, замечательно, да? Вот те, кто реально на плаву с их произведениями, воспевающими ненависть. Чем это заканчивается для России? Единственное, что еще как-то сохраняется – это наука, потому что она была нужна, и то ее вынуждены были из Англии и других частей Европы приглашать. С культурой драматичнее. Все приличные писатели оказались «попутчиками», а то, что они переживали, – это отдельный разговор. Или выживали ценой «перебежничества», как Алексей Толстой, когда он писал «Хлеб» и переписывал свое «Хождение по мукам». Там только переписанные сцены с Рощиным чего стоят! Мне довелось читать эмигрантские издания. Я могу одну сцену пересказать, когда Рощин слушает Ленина. В нашем варианте: вот, кажется, говорит о ерунде, но как слушают! А в первом варианте совершенно другое. Там он думает: говори-говори, перестреляем мы вас послезавтра. Вот цена за то, что вернулся в Россию и не погиб.

Я уже не говорю о репрессиях, это все вещи известные. Я считаю, что культура сломалась. Что-то выжило, благодаря тому, что не полностью выполнили рекомендации Крупской и не все убрали из школьной программы. Что-то сохранялось подпольно. Но это уже другие лица и другая культура. Ее описал Зощенко.

А теперь прошу короткие реплики в заключение.

Г.А. Антипов. Стало понятным, что говорить о катастрофе, не определив, что имеется в виду, когда мы говорим о культурной катастрофе, контрпродуктивно. Надо, конечно, когда начинаешь такой анализ, который ведется под шапкой катастрофы, в общем-то, вводить, ну, не определение,

не дефиницию по форме, но хотя бы некоторую описательную характеристику, что имеется в виду. Потому что все по-разному понимают. Тем более, как говорят классики герменевтики: всякое понимание есть в то же время непонимание. А то я не вижу катастрофы, а все остальные видят катастрофу. И как было сказано, «и с мест они не сойдут». Но, как говорил Чаадаев, «не через родину, а через истину ведет путь на небо». Правда, в «Апологии сумасшедшего».

М.В. Шиловский. Я две ремарки хотел бы сделать. Во-первых, возразить Вам, Олег, относительно большевиков. В феврале 1917 года они на политическом пространстве России не просматривались. Свергали самодержавие не большевики, а Ленин за несколько дней до Февральской революции в Швейцарии сокрушался, что нынешнему поколению революционеров, наверное, не дождаться начала революции на родине. И то, что они пришли к власти не есть следствие только войны. Но это не означает, что надо возложить на них ответственность за гуманитарную катастрофу, которая произошла у нас в 1917 году. Просто у нас в результате ускоренной модернизации не произошло важного социального сдвига: не оформилось гражданское общество. Общество было очень мозаичным и эклектичным, поэтому очень трудно определить позицию русских в Первой мировой войне. Общество не было социально однородным, а политическая культура отсутствовала.

И второй вопрос насчет того, кто нас обожал, а кто нас не обожал. О братьях-чехах в Сибири после гражданской войны сложилось негативное представление, выраженное в следующих строках народной песни: «Отца убили злые чехи/ Теперь остался я один». Взять других братьев-славян. Бол-

гары, братушки, две мировые войны были против нас. Какие неблагодарные! А почему они должны быть благодарными и намертво привязанными к нам? Почему мы ждем от них какой-то особой благодарности? Мы пришли, их освободили, за что они поставили памятник императору Александру II. Но, кроме солдатиков, мы ничего дополнительно дать не могли; не могли дать инвестиции, которые разместила Австро-Венгрия, та же Германия. И все! Так же, как и сейчас, мы пытаемся куда-то лезть, но мы же нищие! Европа инвертировала средства в развитие, а наши буржуи прошлого и настоящего времени их паразитически проели и проедают. Яркий пример – русская буржуазия в эмиграции после гражданской войны. Путиловы, Рябушинские, Сибиряковы, убежавшие от большевиков и имевшие финансовые активы за границей. Ну, что-нибудь они там создали по примеру Рахманинова или Сикорского?

– Смирнов.

М.В. Шиловский. Нет, это не капиталист, это «топ-менеджер», талантливый инженер. А куда они свои капиталы дели? Проели, как проедают их сейчас. Нет у нас предпринимательской культуры, хотя мы вроде гордимся ею.

С.А. Красильников. Безусловно, мне было интересно выслушать критику моей позиции, и Георгий Александрович, как всегда, прав. Если бы нам определить «что такое катастрофа и как с ней бороться». Владимир Ильич, как известно, эти вопросы в свое время ставил и решал, как известно. Я считал бы, что мы, говоря о войне как катастрофе, говорили о роли насилия, о роли принуждения, говорили о цене насилия и принуждения, о тех формах, которые они в конечном итоге приобретают. Ведь война – это институциональная форма насилия,

принуждения, террора, жестокого разрешения конфликтов. И вот в этой парадигме, однажды в нее попав, очень трудно от нее отказаться, она становится тоже какой-то самооценностью. Сегодня актуализировался и даже в весьма политизированной форме вопрос о Второй мировой войне, ее итогах, цене победы одних стран и поражения других. Вопрос об ответственности стран и сторон за ее развязывание, в частности о сталинизме и нацизме. Это опять-таки проклятые вопросы для нашей страны. Германия их по-своему решала и решила, а мы в общем-то их так и недорешили на протяжении всего XX века. И с этой точки зрения, если мы говорим о культуре, кто бы и как бы ее не понимал, окажется, что насилие, принуждение в крайних формах, террор культуре противопоказаны. Это противопоказано человеку как существу культурному, мыслящему. И с этой точки зрения я остаюсь при своем понимании катастрофы. Технологические стороны катастрофы, экономические – это одно. А в человеческом, личностном измерении мы увидим совсем другое.

В.В. Крюков. Почему русское крестьянство и русский народ пошли за большевиками? По очень простой причине: Декрет о мире. Кто закончит войну, тот получит и доверие населения. Потому что война воспринималась как бессмысленная бойня, интереса к которой не было ни у кого в русском обществе. К 1917 году это уже абсолютно очевидно, поэтому Декрет о мире привел большевиков к власти.

Н.И. Макарова. Я думаю, что Вы, Александр Аркадьевич, немного идеализируете ситуацию. Начнем с того, что поляки нас, мягко говоря, не слишком любили. В отношении мира и благоденствия для всех народов в Австро-Венгерской импе-

рии достаточно вспомнить бравого солдата Швейка, и тогда представление о том, что в империи все народы прекрасно уживались, слегка поблекнет. Что касается офицеров-евреев в немецкой армии, то во время войны появился миф «удар в спину». Этот миф был во многом сфабрикован с попустительства властей, он гласит, что евреи не хотят воевать за Германию, поэтому в период войны в государстве поднялась волна антисемитизма.

О.А. Донских. А сейчас, я думаю, нам нужно дать слово для ответа по основным тезисам нашим докладчикам – Александру Гнесю и Степану Шнайдеру. Прошу вас.

А.А. Гнесь. Нужно сильно постараться, чтобы сказать коротко, потому что я услышал здесь очень интересные мнения, причем некоторые из них полностью противоречат моим тезисам. Но это как раз и интересно. Я рассматриваю как величайшую трагедию тот факт, что Россия не смогла остаться в стороне от войны, и разделяю мнение адмирала Тирпица, кстати русофила, который писал: «Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев ради выгоды англосаксов».

С. Шнайдер. К сожалению, бурных дискуссий вокруг Гоффмана не возникло. Но я думаю, что одной из главных целей своего приезда на этом круглый стол я достиг: ознакомить вас с актуальным немецким исследованием, в котором проанализированы события, настолько серьезно повлиявшие на будущее наших государств, России и Германии. До сих пор наблюдается дефицит научного обмена. Все еще сказывается не только языковый барьер, но и идеологический. Читая немецкую и русскую историографию, я замечаю, что со-

стыковок мало, а если и есть, то часто они непрофессиональные. Стоит только обратить внимание, что Гоффман не учитывает ни одной российской работы в своей книге. Наблюдаю я это не только как историк, но и в качестве переводчика и филолога.

Поскольку я родился в России, а живу уже много лет в Германии, я, с одной стороны, имею, так сказать, «интимный» подход к обеим культурам. С другой стороны, мне, поскольку я живу постоянно «между» Германией и Россией, предоставляется замечательная возможность менее пристрастно смотреть на такой сверхсложный феномен как Первая мировая война, феномен, который до этого исследовался в узких идеологических и политических рамках.

О.А. Донских. Большое спасибо и за приезд, и за представление этой книги. Мы начинаем эти публикации с 2010 года. Считаю очень важным, что мы эту тему можем поднимать, обсуждать до того, как она уже пойдет в виде моды. Я думаю, это делает нас более свободными.

Представляем видение проблемы тех, кто прислал ответы на вопросы, сформулированные в ходе обсуждения.

Геннадий Николаевич Миненко, д-р философских наук, профессор (Кемерово).

Оказалась ли Первая мировая катастрофой для российской культуры или, напротив, она определила ускоренное ее развитие?

Культура многослойна, поэтому оценка влияния Первой мировой войны на культурные процессы в России должна быть дифференцированной.

Прежде всего, такое влияние было разновекторным. Некоторые процессы в период 1914–1918 гг. развивались по определенным ранее векторам, но с ускорением, другие меняли свое направление.

Явно отрицательным было влияние войны на индустриальную культуру России. Отечественный рабочий класс являлся, в сравнении с российским крестьянством, абсолютным меньшинством, так же как несопоставим по численности с соответствующей страной в передовых индустриальных странах Западной Европы. Но в значительной своей массе он был без разбора призван на фронт и истреблен в кампаниях 1914–1915 гг. Новобранцы из крестьян на фабриках и заводах, естественно, должны были пройти длительный период адаптации и профессионального обучения. Таким образом, позиции России, независимо от исхода Первой мировой войны, были заметно ослаблены по причине истощения культурного слоя носителей индустриализма, и отставание в промышленном развитии страны на какой-то период времени было предопределено.

Что касается «высокой» культуры, то нужно иметь в виду, что Первая мировая война проходила еще по относительно цивилизованным европейским нормам, поэтому масштабных разрушений культурных памятников, культурного наследия, в отличие от Второй мировой, ни в одной стране не было. Выражаясь современным языком, культурная инфраструктура не пострадала, тем более в России, где территориально военные действия в основной период войны коснулись только Польши и Прибалтики.

Дворянско-разночинная, интеллигентская культура России в значительной мере являлась столичным явлением, что отмечал еще Н. Бердяев. Чрезмерных материальных лишений ни Москва, ни Петербург во время войны не испытывали, поэтому сохранялись все необходимые условия для творчества, и культура Серебряного века развивалась по ранее определенной траектории, причем в ускоренном режиме.

А что определилось в элитарной культуре России в первое десятилетие XX века? А.С. Ахиезер написал в конце 1980-х большой труд «Россия: критика исторического опыта», в котором доказывалось, что нашей стране присущ особый тип социокультурной динамики, которую он назвал инверсионной. Под этим разумелась известная склонность русских осмысливать социально-политические процессы через полюса противоположностей без учета и попыток найти опосредования, что приводило к периодическим взрывным процессам, сопровождавшимся разрушением накопленного материального, культурного, интеллектуального потенциала. Классическими примерами таких инверсионных взрывов являлись «реформы» Петра I, большевистская Октябрьская революция, события периода распада СССР.

Начало XX века тем и отличалась, что впервые за всю историю России процессы поляризации и накапливания потенциала инверсионного взрыва охватили не только социум, политику и идеологию, но и духовную надстройку. П. Слотердаjk в «Критике цинического разума» отметил это обстоятельство на примере дадаизма. Поляризация выражалась в массовых апокалипсических и эсхатологических настроениях духовной элиты. Подчеркну: эти процессы определились еще при жизни В. Соловьева и даже Ф.М. Достоевского. Первая мировая война явилась их катализатором и реальным «подтверждением» догадок интеллектуалов.

Наиболее отрицательно военный период сказался, на мой взгляд, на низовой, традиционной культуре русского крестьянства. Симптомы ее разложения этнографы четко фиксировали еще в 1870-е годы. К началу революции 1905 года процесс деградации

народной культуры зашел весьма далеко. Документированы процессы двоякого рода: прежде всего, рост конфликтности в больших крестьянских семьях, а также заметный раскол старшего и младшего поколений, рост аномальных для традиционализма явлений, – так называемое «озорство» молодежи по отношению к сложившимся вековым устоям, бытовой нравственности, поведенческим стереотипам крестьянства. Поскольку на фронт была призвана большей частью именно эта демографическая группа, молодое поколение деревенских жителей прошло там не лучшую школу жизни, к которой можно отнести очевидную неготовность страны к масштабной войне в первый период боевых действий, влияние настроений искать объяснение тягот войны изменой «начальства» – вплоть до самого верха, девальвацию ценности жизни как таковой в условиях массовой гибели воинства и т.п. Все это закладывало неизбежность радикализации решений назревших проблем – дворянского землевладения и земельного голода крестьянских масс Центральной России, социального положения крестьянства и др. Этот радикализм сказался бы на решениях жизненно важных для страны вопросов и в том случае, если бы не случилось революционного взрыва. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что «черный передел», погром дворянских и «кулацких» хозяйств начался в 1917 году еще до большевистского переворота – именно под влиянием крестьян-фронтовиков. Поэтому послевоенная Россия в любом случае оказалась бы в значительной мере другой страной, нежели до 1914 года.

Лев Леонидович Штуден, д-р культурологии, НГУЭУ, (Новосибирск).

Связан ли ускоренный переход к массовой культуре с Первой мировой войной?

Связан, но косвенным образом. Массовая культура зарождалась и набирала силу до и во время этой войны, независимо от нее (шансон, «Орфей в аду» и канкан в Париже, вальсы Штрауса в Вене, рэг-тайм и блюз в США). Окончание же первой мировой бойни означало возможность для уцелевших отвлечься от пережитых ужасов и, как принято выражаться сегодня, «оттянуться по полной программе». Это означало – повышенную востребованность среди больших масс людей именно культуры этого типа. Дальше сработал закон коммерции: спрос породил предложение.

Можно ли считать, что одним из результатов этой войны стало доминирование англо-американской культуры? Или это произошло бы в любом случае?

Выражение «англо-американская культура» мне представляется некорректным. Англия – европейская страна с весьма консервативным укладом жизни и устойчивыми традициями. Если не брать в расчет (и то с оговорками) язык общения, то английская культура «доминирует» лишь на британских островах. Массовая культура, в современном ее виде – детище, в основном, США. Действительно, экспансия этой культуры реально происходит практически во всем мире. Опять же – экспансия культуры этого типа есть часть общей экспансии США (экономической, военной, идеологической) и происходила бы в любом случае; ее вряд ли можно считать лишь «результатом» Первой мировой войны.

Шире – какие цивилизационные процессы, определившие развитие культуры в XX веке, спровоцировала Первая мировая война?

А. Цепь тоталитарных революций (фашизм, нацизм, социализм сталинского типа)

Б. Тем самым были подготовлены: раскол мира на сторонников и противников

тоталитаризма, созданы условия для Второй мировой войны и, как результат, изменение политических границ на карте мира.

В. Резкое ослабление позиций христианства и последующий процесс эрозии христианской веры в Европе.

Оказалась ли Первая мировая война катастрофой для российской культуры или, напротив, она определила ускоренное ее развитие?

Поскольку вступление России в Первую мировую войну создало все условия для победы большевиков и, тем самым, для уничтожения основных культуроопределяющих страт (дворянство, священство, купечество, крестьянство, лучшая часть мыслящей интеллигенции) – безусловно, она способствовала одной из самых мощных культурных катастроф, имевших когда-либо место в истории России.

Явилась ли эта война «первой ласточкой» глобальной информационной войны?

Вопрос нуждается в уточнении: войны кого с кем? Информационную войну, в своих интересах, вели: вожди III Рейха, большевики, страны так называемого «свободного мира», теперь еще – вожди ислама. Если к тому же иметь в виду, что не все пружины в этой войне, не все заинтересованные силы и фигуранты нам известны, то вопрос и вовсе становится неясным.

Стала ли Первая мировая война вызовом, определившим ускоренную индустриализацию и, соответственно, ускоренное разрушение патриархальной культуры?

Да, безусловно.

Повлияла ли Первая мировая война на демографию настолько отрицательно, что мы имеем дело с иными этносами?

10 миллионов погибших – еще не повод утверждать, что в какой-то стране мира эта война могла бы губительно повлиять на демографию, тем более связанную со сме-

ной этносов. В 20-х годах того же столетия гораздо большее количество людей сгубила инфлюэнца (по нынешнему – банальный грипп). В самой Германии война вообще не отразилась на демографических показателях, в виду специально введенной системы отпусков для солдат. Через 20 лет Германия оказалась способной вести новую войну со всем миром! Что касается смены этносов – это в сегодняшней Европе реальная угроза для многих стран, но совсем по другой причине: колоссальный, неостановимый практически, приток иммигрантов. Но к Первой мировой войне это уже не имеет отношения.

Можно ли считать, что Вторая мировая война оказалась лишь продолжением Первой и, соответственно, завершила названные выше процессы?

Такая точка зрения действительно существует, ее разделяют некоторые политические обозреватели. Как мне кажется, Вторая мировая война действительно послужила своеобразным продолжением Первой, но, к сожалению, названные выше процессы она не завершила. Главные последствия нас ждут впереди.

Иван Семенович Кузнецов, д-р исторических наук, профессор (Новосибирск).

Связан ли ускоренный переход к массовой культуре с Первой мировой войной?

Думаю, что этот процесс определялся целым рядом детерминантов, среди которых Первая мировая война также имела если и не ключевое, то весьма существенное значение. Как представляется, ее роль в ускорении данного процесса проявилась по двум направлениям:

– стимулирование ряда общественных процессов, которые в свою очередь способствовали развитию массовой культуры. Среди них – развитие конвейерного и по-

точного производства, новый уровень государственного регулирования экономики, тенденции экономической глобализации, сама милитаризация как яркое выражение «восстания масс» (по выражение Х. Ортеги-и-Гассета). Эта «массовизация», неизбежно порожденная мировой войной, некоторыми ощущалась как антитеза «аристократизма», элитарности. Характерна в этом плане статья Бенито Муссолини (в то время еще редактора националистической газеты «Аванти!») под названием «Гранчиренкратия» («траншейная аристократия» – это фронтовики).

– непосредственное развитие некоторых элементов массовой культуры под влиянием «духа времени» и прагматических потребностей. Два ярких примера: во Франции – рождение нового стиля женской моды (Коко Шанель), в России симптоматичные изменения в лексике – появление многочисленных сокращений (главком, главковерх, начштакор и т. д.), которые обычно связывают с влиянием революционных событий.

Можно ли считать, что одним из результатов этой войны стало доминирование англо-американской культуры?

Видимо, здесь довольно сложная взаимосвязь. Непосредственно после мировой войны, в 1920-е годы наиболее новаторские тенденции в русле культурного авангарда, как известно, имеют место в Германии (экспрессионизм) и в России (футуризм и др.). Быть может, Первая мировая война положила начало доминированию англо-американской цивилизации не вообще в культуре, а именно в массовой культуре. Один пример: именно в это время были заложены основы американской «фабрики грез» – Голливуда и невероятную популярность получил Чаплин.

Шифр – какие цивилизационные процессы, определившие развитие культуры в XX веке сфоцировала Первая мировая война?

Помимо того, что было сказано по этому поводу в ответе на вопрос № 1, отметим еще два фундаментальных процесса:

– Первая мировая война ускорила процесс формирования «большой науки», ее теснейшей интеграции с ВПК. В России самый яркий пример – появление первой научно-интеграционной структуры – Комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил (КЕПС), из которой затем уже при большевиках выросли многие фундаментальные научно-индустриальные проекты и структуры.

– Война впервые включила огромные массы людей в новое информационное пространство, поневоле нарушила патриархальные традиции.

Оказалась ли Первая мировая война катастрофой для российской культуры или, напротив, она определила ускоренное ее развитие?

Видимо, в данном случае оба варианта не являются адекватными. Катастрофический характер для отечественной культуры все же имела не Первая мировая война, а «великая смута» (события 1917 г. и гражданской войны). Что касается ускоряющего импульса, то об этом говорилось в ответах на вопросы № 1 и 3.

Явилась ли эта война «первой ласточкой» глобальной информационной войны?

Понятие «первая ласточка» здесь недостаточно определенное. Можно сказать, что действительно в годы Первой мировой войны в ряде случаев «информационное» или психологическое оружие было использовано с небывалой в сравнении с предшествующими временами эффективностью. Приведем два самых ярких приме-

ра. Первый – это кампания дискредитации Правительства, проводившаяся оппозицией в России, которая в значительной мере подготовила устранение императорского режима со всеми роковыми последствиями для страны. Второй пример: антигерманская кампания в США после потопления лайнера «Лузитания», которая позволила преодолеть антивоенные («изоляционистские») настроения американцев и обеспечить вступление Америки в войну. Однако вопрос, можно ли считать все эти действия проявлениями «глобальной информационной войны» в современном понимании. Пропагандистские акции Первой мировой войны служили лишь дополнением к силе оружия. Современная же информационная война, как считают многие эксперты, в известной мере становится самодостаточным средством сокрушения противника.

Стала ли Первая мировая война вызовом, определившим ускоренную индустриализацию и, соответственно, ускоренное разрушение патриархальной культуры?

В какой-то мере об этом речь шла в ответах на предшествующие вопросы. В дополнение к этому можно сказать, что такое воздействие, видимо, было актуальным для России и подобных ей стран, находившихся на определенной стадии догоняющей модернизации. Однако это воздействие нельзя рассматривать изолированно: идея форсированной модернизации в России вызревала в предшествующий период (разработки Д.И. Менделеева, «виттевская индустриализация») и окончательно оформилась во второй половине 1920-х годов.

Повлияла ли Первая мировая война на демографию настолько отрицательно, что мы имеем дело с иными этносами?

Смысл этого вопроса не совсем понятен. Если речь идет о демографических потерях, то ни одна из стран, участвовавших в войне, не понесла таких потерь, которые бы принципиально изменили лицо соответствующих этносов.

Можно ли считать, что Вторая мировая оказалась лишь продолжением Первой и, соответственно, завершила названные выше процессы?

В широком смысле обе войны являются выражением одной эпохи, когда, говоря словами О. Бисмарка, «великие вопросы решались железом и кровью». В этом смысле Вторая мировая война может рассматриваться в качестве завершения Первой. В то же время неправомерно игнорировать и принципиальные различия между ними. Это кардинальное отличие не требует доказательства, если не отрицать, что основным сегментом Второй мировой войны явилось противостояние СССР и Германии. Ничего подобного ни по целям, ни по средствам в Первой мировой войне не было. В сравнении с этим Первая мировая война, несмотря на свои масштабы, выглядит скорее как продолжение военных конфликтов «долгого XIX века».

Вульф Яковлевич Плоткин, д-р филологических наук, профессор (Бир-Шева, Израиль).

Стала ли Первая мировая война вызовом, определившим ускоренную индустриализацию и, соответственно, ускоренное разрушение патриархальной культуры?

Впечатляющий рост мощи вооружения, достигнутый к началу XX века в результате индустриализации, породил не только у правителей и полководцев, но и в широких общественных кругах ведущих европейских стран иллюзии о возможности быстрых и легких побед над геополитическими противниками. При этом, од-

нако, не было (и вряд ли могло быть) обращено внимание на то, что индустриализация, колоссально увеличив боевые возможности армий, неизбежно преобразит их облик – им предстояло индустриализоваться, уподобиться промышленным предприятиям по своим масштабам, организации и кадровому составу. Обратно говоря, на смену сравнительно небольшим армиям из военных «ремесленников» должны были прийти гигантские военно-промышленные структуры, в деятельность которых в той или иной мере может вовлекаться практически вся страна. Разумеется, для руководства такой индустриализированной армией требовался и соответственно подготовленный офицерский корпус.

Ни одно из вступивших в войну государств, конечно, не располагало в 1914 г. необходимыми в новых условиях вооруженными силами, и перестраиваться всем пришлось уже в боевой обстановке. Этот страшно мучительный для каждой страны, ее народа и армии процесс шел все четыре военных года, но и к осени 1918 г. его вряд ли можно было считать завершенным. К тому же появившиеся к концу войны виды вооружения (боевая авиация, танки, отравляющие вещества) требовали от армий новых перестроек.

Вскоре после Версаля стало очевидно, что оставшиеся от войны проблемы не решены, и поэтому она раньше или позже вспыхнет снова. Следовательно, процесс индустриализации вооруженных сил снова приобрел первостепенное значение. А поскольку в него неизбежно вовлекается политическая и экономическая жизнь всей страны, сохранение в ней патриархального уклада жизни обрекало ее на поражение в надвигавшейся новой войне.

Можно ли считать, что Вторая мировая война оказалась лишь продолжением Первой и, соответственно, завершила названные выше процессы?

Взгляд на войну, вспыхнувшую в сентябре 1939 г., как на продолжение европейской войны 1914–1918 гг. после длившегося два десятилетия перемирия давно уже имеет хождение и вполне правомерен (наряду с иными таксономическими предпочтениями). Полагаю, что в 1941 г. эта война переросла в Мировую, когда в нее оказались вовлеченными три крупные державы – СССР в июне, США и Япония в декабре, и возникли два новых театра военных действий – Восточноевропейский и Тихоокеанский.

По моему мнению, начавшийся в ходе европейской войны процесс индустриализации вооруженных сил был завершён к 1945 г., о чем свидетельствовало освоение и широкое использование таких индустриальных видов боевой техники, как самолеты, танки, ракеты, подлодки и т. д.

Тогда же, в завершающие дни Мировой войны, первое боевое применение атомного оружия ознаменовало начало нового этапа в совершенствовании вооружений – пост-индустриального, научно-технического. Как и предшествовавший ему этап, он потребовал нового переосмысления всей геостратегической и военной проблематики как отдельных стран и их альянсов, так и всего мира. Разумеется, здесь мы выходим за рамки поставленных вопросов. Следует, однако, отметить, что в отличие от милитаристского угара в Европе начала XX века, народы мира не воспылали желанием тотчас же ринуться в бой в надежде на легкую победу с помощью нового, еще более могучего оружия. Урок все-таки пошел впрок.

Сергей Петрович Исаков, редакция журнала «Идеи и идеалы».

Историософские построения невольно провоцируют собеседников на широкоформатные построения, смелые гипотезы, оперирующие даже не народами и странами, а материками и цивилизациями. Это таит в себе немалый соблазн отринуть скучное копание в необозримом море корявых подробностей и воспарить в горные высоты, зато и легко может увести мысль в сферу мифотворчества. Но тема уж больно интересная, поэтому попробую и я вложить свои «три копейки».

Исходная мысль А.А. Гнеся, насколько я понял из его доклада, состоит в том, что в XIX веке Европа развивалась по сравнительно гуманистическому и, главное, культурологически естественному пути. Однако несчастное и исторически почти случайное стечение обстоятельств привело к формированию химерических (по Гумилеву) этнокультурных союзов и в конечном счете вызвало разрушительную войну, сделавшую вышеуказанный «естественный» путь невозможным. В этом и заключается та самая «точка невозврата». Признание же Первой мировой событием неестественным (и даже противоестественным) логично подводит автора к «сослагательному» рассмотрению тех возможностей, которые были упущены тогдашними действующими лицами, а главное – заставляет рассматривать произошедшие культурологические (*термин неудачный, но мысль, надеюсь, понятна*) изменения как катастрофу.

Во-первых, я отнюдь не считаю культурологические построения «игрой ума», но и не считаю их пригодными на все случаи жизни. Если католики в союзе с мусульманами воевали с католиками, а славяне со славянами, напрашивается вывод, что в вопросах военных, экономических и политических пра-

вы скорее марксисты, а аспекты конфессиональные и этнические в Европе XIX прева-лировали в идеологии и пропаганде, но не в реальной политике. И в XIX, и в XX веках, а особенно сегодня есть масса примеров военных, экономических и политических союзов, крайне причудливых по своему этническому, культурному и конфессиональному составу. Крайне интересно было бы посмотреть, почему в одних случаях это не важно, а в других – люди готовы умереть за эти идеи, но, судя по всему, книга не об этом.

Во-вторых, о катастрофе и точке невозврата. Если понимать катастрофу как резкое необратимое изменение, тотальное уничтожение чего-либо, то даже в этом случае сам термин – явно оценочный, отражающий скорбь говорящего, вызванную этим уничтожением. Но во всех случаях можно об одном и том же событии высказаться в другой – мажорной – тональности: не крушение 300-летней монархии, а рождение государства рабочих и крестьян; не гибель Австро-Венгрии, а освобождение славянских народов из-под германского ига и т.д. Причем это не просто игра словами, а отражение реальной диалектики Истории. Так, бесспорно, что Первая мировая вызвала крушение либерально-просвещенческой идеологии и расчистила место для идеологий тоталитарных. Но нельзя не видеть, что это крушение имело и внутренние причины: фальшь и прекраснотушние, присущее некоторым либеральным идеалам.

Можно говорить о гуманитарной катастрофе, постигшей европейцев: миллионы людей были убиты и искалечены, причем особенно болезненно воспринималась бессмысленность этих жертв с точки зрения Разума и Прогресса, за которые вроде и сражались. Однако эта катастрофа рассыпалась на миллионы частных катастроф

жертв войны; с точки зрения большой политики, дипломатии и военной стратегии речь шла об ошибках, допущенных в ходе войны и ее подготовки, о новых возможностях и новых «вызовах». Кто-то проиграл, но ведь другие же выиграли! И почти все считали Версальский мир несправедливым. Потребовалась несравненно более масштабная катастрофа Второй мировой войны, чтобы правящие элиты смогли хоть немного перестроиться.

И в-третьих – о сослагательном наклонении в Истории. Говорят, фразочка о том, что она его не терпит (или не имеет), принадлежит Сталину. Очень может быть: марксисты всегда настаивали на закономерности исторического процесса. С моей точки зрения, История есть непрерывный перебор самых разнообразных, в том числе и почти невероятных, альтернатив, и даже несбывшиеся возможности оказывают самое реальное воздействие на поведение людей (так, возможность теракта заставляет реально охранять все его возможные цели). С этих позиций понимание исторического процесса невозможно без рассмотрения хотя бы главных альтернатив (что в практической историографии почти не делается). К сожалению, изучение таких альтернатив часто подменяется их конструированием, причем используются знания об уже случившемся, принципиально недоступные действующим в реальном времени лицам. Конечно, «знал бы прикуп – жил бы в Сочи», но для понимания действительных пружин Истории такое «послезнание» ничего не дает.

Юрий Перфильевич Ивонин, д-р философских наук, профессор (Новосибирск).

Связан ли ускоренный переход к массовой культуре с Первой мировой войной?

Связан. Это несомненно. Проблема в том, какова эта связь: генетическая? Функциональная? Темпоральная? Первая мировая война была невозможна без массового общества и ее неизбежного порождения – массовой мобилизационной армией, т.е. доступностью знания для очень широких масс.

Можно ли считать, что одним из результатов этой войны стало доминирование англо-американской культуры? Или это произошло бы в любом случае?

Это доминирование совсем не очевидно в Старой Европе, где главный литературный персонаж – «потерянное поколение». Где тут жизнерадостный оптимизм типа «О.К.» с белозубой улыбкой? Его нет. Скорее второе издание готического и антиренессансного романтизма. Американизм господствовал в Новой Европе – СССР. Жизнерадостный мир с культом спорта, техники и социального успеха. Особенно после уничтожения фанатичного и суицидального большевизма, предрекавшего – «и как один умрем в борьбе за это». Советские фильмы – это голливудские штампы. Пример: «Веселые ребята». Вплоть до мелочей (включая мультик про месяц). Главная советская кинодива – Л. Орлова – голливудский типаж не хуже, а иногда и лучше М. Монро.

Шире – какие цивилизационные процессы, определившие развитие культуры в XX веке, спровоцировала Первая мировая война?

Господство технокцивизации, «индустриального общества». Протест против него (мировая революция 1968 г.) во имя персонализма возник, как только появилось поколение, не знавшее ужасов войны.

Оказалась ли Первая мировая война катастрофой для российской культуры или, напротив, она определила ускоренное ее развитие?

Катастрофой первоначально явно не была. Царская армия при ее технической слабости (немцы многократно превосходили русских по тяжелой артиллерии, что позволяло расстреливать противника с безопасного расстояния) не пустила супостата дальше Белоруссии. Трудно объяснить это как-то иначе, чем культурным ресурсом – техникой коллективного выживания, выставивания. Катастрофа наступила, когда этой традиционной культуре была противопоставлена ценность индивидуальной жизни, т.е. западная культурная норма. Антивоенная пропаганда интернационалистов сделала для европезации массового сознания больше, чем десятилетия мирного прогресса. Плоды этого «просвещения» оказались очень живучими и неожиданным образом проявились в массовом переходе населения на сторону врага в 1941–43 годы.

Явилась ли эта война «первой ласточкой» глобальной информационной войны?

Вряд ли глобальная передача сведений (информационная война) была существенным компонентом мирового противостояния. Все-таки эта война требует трансграничного перемещения сведений. Технических средств для этого у противников не было.

Стала ли она вызовом, определившим ускоренную индустриализацию и, соответственно, ускоренное разрушение патриархальной культуры?

Европейские страны вступили в войну вполне индустриальными сообществами. Еще в 1866 г. Бисмарк заявил, что битву при Садовой выиграл прусский учитель. Стараниями последнего немецкие солдаты могли передвигать прицельную планку на винтовку и успешно поражать цели на расстоянии 1 км. Русские солдаты могли стрелять только с постоянным прицелом, т.е. на

расстоянии 300–400 м. Они не могли произвести нехитрые арифметические вычисления. Правители новой России сознательно взяли курс на индустриализацию, всеобщую техническую грамотность и «атеизацию» населения. Но означало ли это «разрушение» патриархальной культуры как целого? Любой ответ не очевиден.

Повлияла ли Первая мировая война на демографию настолько отрицательно, что мы имеем дело с иными этносами?

Трудно сказать это про Россию, поскольку невозможно отделить демографические последствия целой череды непрерывных людских катастроф 1914–1945 гг. Демографическая катастрофа разразилась над Великобританией, потерявшей огромную часть аристократии. Но была ли это столь существенная подвижка для этноса в целом? При всем том вряд ли можно говорить о «новых этносах». Скорее о новых «нациях». Германский народ после 1933 г. — явно новая германская нация.

Можно ли считать, что Вторая мировая война оказалась лишь продолжением Первой и, соответственно, завершила названные выше процессы?

Такой взгляд заслуживает самого серьезного отношения. Ряд историков рассматривают события 1914–1945 гг. как Большую Европейскую войну. Часть современников полагали войну 1914–1918 гг. неоконченной. Примером тому является строительство анти-германской линии Мажино уже в 1924 году. Вызывает возражение сама постановка вопроса. Вряд ли Вторая война завершила Первую войну. Она еще не завершена, но ее результаты вполне просматриваются. И эти результаты до известной степени неожиданны. Германский план «Средней Европы» — сообщество государств с ограниченным суверенитетом под охраной благожелательного гегемона — это и есть «Европейский союз» в недалекой перспективе. Германская экономическая доминанция налицо, разве что гегемон — не отдельный лидер, а международная организация с наднациональными полномочиями. Россия же явно проиграла в этой войне — и тогда, на промежуточном этапе, и сейчас, когда она близка к завершению. Внуки будут жить в тени сверх-державы, поскольку их деды свою — «профукали».